

НА 1928 ГОД

предлагается подписка на

КЛИНИЧЕСКИЙ АРХИВ

Гениальности и Одаренности

(ЭВРОПАТОЛОГИИ)

посвященный вопросам патологии гениально-одаренной личности, а также вопросам одаренного творчества, так или иначе связанного с психопатологическими уклонами.

Клинический Архив гениальности и одаренности доступен не только специалистам, но и тем читающим кругам, которые интересуются пограничными областями психопатологии и биологии, как то: врачам, юристам, педагогам, общественникам, инженерам, художникам, литераторам, музыкантам и пр.

В „Архиве“ принимают участие:

Проф. Г. И. Россолмо (Москва), Проф. Август Форель (Швейцария), Проф. Sommer (Giessen), Проф. Siemerling (Berlin), Проф. В. И. Руднев (Ташкент), Проф. А. Л. Мендельсон (Ленинград), Приватдоц. М. Tramer (Швейцария), Приватдоц. W. Riese (Frankfurt a. M.), Приватдоц. А. А. Канусти (Москва), Приватдоц. (Ленинград), (Москва), бица (М), цов (Вл), сон (Кь)

Имен

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

на год 5 руб., на 1/2 года 3 руб.

Подписка и склад издания: «Практическая Медицина», Ленинград, улица Лассалья, 2.

Все справки у редактора д-ра Сегалина, Свердловск (бывш. Екатеринбург), улица Вайнера, № 46.

XX 127
XX 74
X X 452
12
орд. ч.
5856

КЛИНИЧЕСКИЙ АРХИВ ГЕНИАЛЬНОСТИ И ОДАРЕННОСТИ (ЭВРОПАТОЛОГИИ)

ПОСВЯЩЕННЫЙ ВОПРОСАМ ПАТОЛОГИИ
ГЕНИАЛЬНО-ОДАРЕННОЙ ЛИЧНОСТИ, А ТАКЖЕ
ВОПРОСАМ ПАТОЛОГИИ ТВОРЧЕСТВА

ВЫХОДИТ ПОД РЕДАКЦИЕЙ
д-ра Г. В. СЕГАЛИНА

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ
ТОМ IV
1928 г.

XXVIII - 1387

Оглавление.

	Стр.
1. Пр.-доц. Д-р Г. В. Сегалин (Свердловск).	
Эвропатология научного творчества. Роберт Майер и открытие им закона сохранения энергии.	3
А. Патогенез эвроактивной личности Роберта Майера	5
а) кумулятивные симптомы в семье Майеров	5
в) диссоциативные симптомы в семье Майеров	8
с) гипостатическая реакция семейной одаренности в семье Майеров	8
В. Эвропатология личности Роберта Майера	10
а) симптомы диссоциативные личности Роберта Майера.	11
в) Симптомы кумулятивные личности Роберта Майера.	22
С. Психомеханизм и симптоматология творческих приступов у Роберта Майера	28
Эвропатологическая характеристика гениальности Роберта Майера.	32
2. Д-р В. С. Гриневич. (Смоленск)—Искусство современной эпохи в свете психопатологии.	34
3. Проф. Август Форель. (Швейцария)—Эвропатологии и евгеника (prof. A. Forel—Europatologie und Eugenik).	—
4. Д-р Б. Я. Вольфсон. (Кыпт. зав.)—„Пантеон мозга“ Бехтерева и „Институт гениального творчества Сегалина“ (историческая справка).	52
5. Пр.-доц.-Д-р Н. А. Юрман. (Ленинград)—Болезнь Достоевского.	61

Эвропатология научного творчества.

Роберт Майер и открытие им закона сохранения энергии.

(К 50-летию его смерти).

Д—ра Г. В. СЕГАЛИНА.

Когда мы говорим здесь об эвропатологии научного творчества, то мы исходим из того положения, что научное творчество подвержено тем же законам эвропатологии, что и творчество других видов (например: художественного творчества). Иначе говоря: в механизмах научного творчества элементы патологии могут играть ту или иную эвропозитивную роль.

Об эвропозитивной роли патологии в художественном творчестве мы имеем достаточное количество иллюстраций. Даже самые близорукие противники не могут закрыть глаза перед фактическими данными этих иллюстраций. Однако, в отношении научного творчества мы не имеем еще такого обильного материала для таких иллюстраций. Быть может, это обстоятельство и заставляет думать многих (даже убежденных в позитивной роли патологии в художественном творчестве), что в научном творчестве патология существенной роли не играет. Пожалуй, даже это отсутствие обилия фактов служит для этих лиц известной маской для прикрытия традиционного консерватизма в отношении этих вопросов. Патология, говорят одни, — есть болезненное, следовательно, нездоровое явление, а все нездоровое не может дать никаких положительных результатов, да еще в особенности в научном творчестве, где все дается упорным трудом, а не экстазами поэтов (о которых еще можно допустить, что этот экстаз вызывается патологией) и т.д.. Эта «железная» логика научного консерватизма опирается, конечно, главным образом, на то, что нет обилия фактов, иллюстрирующих обратное положение. Даже врачи, сталкивающиеся с этой патологией в своей повседневной практике и оперирующие эвропозитивными силами патологии (например, при лечении прогрессивного паралича в новейшее время прививками малярии, где уж эвропозитивная роль малярийного яда по отношению к сифилитическому яду — несомненна), настолько крепко сидят в тисках этого консерватизма, что невольно закрывают глаза перед теми же «прививками» патологии, которые делает сама природа над людьми, когда ей

нужно достигнуть европозитивной цели, напр., при выявлении феноменальной одаренности (resp. гениальности). Впрочем, консерватизм в медицине имеет свои корни в прошлом и свои об'яснения. Углубляться в этот вопрос здесь мы не собираемся. Отметим лишь здесь, что вместе с консерватизмом всегда идет рука об руку известная доза фарисейского криводушия. В этих вопросах фарисейство это сказывается в следующем. Так называемый культурный человек вместе с ростом науки и техники теряет своих теологических богов и божков. Вера в них становится бессмыслицей. Он ищет и находит себе эквиваленты этих богов, он создает себе ореол великого человека, гения. Разукрашивает его всеми «божественными» стигмами и атрибутами, создается культ новых богов в новых эквивалентах. Старое религиозное чувство, культивированное веками метаморфозировается и сублимируется другой теологией, такой же консервативной и фарисейской как и старая. Заманчивость этой теологии тем более велика, что здесь при случае можно самому сделаться «божком». Культ этот, как культ не терпит ничего святотатственного, а тут, видите-ли, «придет какой-нибудь Сегалин, да начнет копать в дядюшках и бабушках этого «бога», найдет патологию и оскорбит мое благородное чувство преклонения перед моими фетишами. А самое главное, ведь все это еще не доказано, фактов таких нет, чтоб патология была причиной великих научных творений» и т. д., и т. д. Так строится фарисейская концепция отрицания научных истин, которые бьют, что называется, в нос. Европатология многим консервативным ученым поэтому и не нравится, также как не нравится теологам дарвинизм—«подрыв, видите-ли нашей ученой религии и авторитета». Но европатология не преследует ничего, кроме чистого и бескорыстного стремления вскрыть всеми научными методами механизмы творчества и осветить законы биологии великих людей. Европатология строится и будет построена на изучении европозитивной роли тех явлений, которые дают, с одной стороны, болезнь—эвронегативное, но с другой стороны, создают условия (но не самую гениальность) для тех явлений, которые мы называем—гениальное. Верно, еще недостаточны ее методы, еще не собраны все материалы и факты, чтоб уже сделать окончательные выводы. В особенности, в отношении научного творчества еще мало фактов, тем не менее—это не должно обескураживать исследователя. Если недостаточно этих фактов, это еще не значит, что их нет. Их надо еще собрать, кропотливо очистить от теологических налетов. Европатология еще только что начала строиться и подготавливаться.

Как пример для иллюстрации, где видна европозитивная роль патологии в научном творчестве (и именно—открытия закона сохранения энергии)—мы избрали в этой работе Роберта Майера. Мы берем эту личность как пример чрезвычайно яркой иллюстрации нашей точки зрения. Сумеет ли убедить

в справедливости нашей точки зрения читателя—это другой вопрос. Но если даже мы и не сумеем убедить читателя, то это значит только, что автор недостаточно вооружен для этого или не сумел справиться с данной задачей, а не потому, что данная научная истина не может быть достаточно освещена; ее сумеют осветить, другие, лучше вооруженные.

Следуя эвропатологической методике, мы располагаем наш материал таким образом.

Прежде чем приступить к изучению эвропатологии личности Роберта Майера и психомеханизма его творческих приступов, мы должны рассмотреть те эвропатологические родовые условия, создавшие, эту личность, и эвропозитивную роль патологии в генезе этой личности. Поэтому патогенез личности мы должны рассмотреть раньше всего другого. С этого мы и начнем наше исследование.

А. Патогенез эвроактивной личности Роберта Майера.

Когда мы изучаем патогенез какой либо эвроактивной личности, мы должны рассмотреть те фамильные условия, которые создают возможность появления такой личности.

Среди этих условий, помимо других, мы имеем всегда два момента, закономерно определяющие возможность его появления. С одной стороны: наличие наследственной кумуляции одаренности (кумулятивный компонент); с другой стороны, наличие фактора, который служит диссоциатором этой скрытой одаренности или реагентом, и который освобождает эти скрытые силы одаренности к активности (диссоциативный компонент). Так как таким диссоциатором обычно служит патологический момент, вводимый наследственно какой либо родительской стороной, то этим и определяется эвропозитивное значение этой патологии в генезе данной эвроактивной личности.

Изучение патогенеза поэтому естественно распадается на изучение главным образом этих 2-х факторов (см. «Патогенез и биогенез великих людей» Кл. Архив Гениальн. и одарен., вып. I и II, том 1-й).

а) Кумулятивные симптомы в семье Майера.

В этой главе приведем краткие биографические и патографические сведения, которые нам дадут возможность, хотя бы вкратце осветить наличие кумулятивных симптомов в семье, откуда происходит Майер.

Фамилия Майера уже известна с середины 17 столетия.

Эта фамилия происходит из деревни Wangen около Göringen в Вюртербергском герцогстве, где жил предок Майера, пастор Христоф Майер. Его сын—Христиан Якоб Майер (отец Роберта) переселяется в Heilbronn, где он открывает аптеку «zur Rose». Здесь у него в супружестве с Элизабет Heermann

из Heilbronn'a родятся трое сыновей: Фриц, Густав и Юлиус Роберт (25-XI—1814 года).

Эта семья резко выделяется из своей среды. С одной стороны своими необычными способностями, а также своими ненормальностями психики большинства членов этой семьи.

По линии отца Роберта Майера мы имеем наличие кумулятивных симптомов. Эти симптомы имеют односторонний характер: одаренность Майеров направлена исключительно на естествознание и специально на физико-биологическое творчество. Изобретательский комплекс у Майер'ов продельывает естественную эволюцию этапами, подготавливается из поколения в поколение, пока этот изобретательский комплекс энергии не кумулировался в определенную величину и не получил определенное направление, а в лице Роберта Майера, не получил определенный разряд этой энергии. Эта кумуляция для нас выявляется на 3-х поколениях Майер'ов. Дед Майера—Христоф Майер был по профессии пастор. Мы знаем, что немецкий пастор помимо того, что он теолог, с формальной стороны интеллекта всегда человек с философской установкой психики. Пусть эта философская установка будет по содержанию метафизическая, но тренировка интеллекта несомненно спекулятивно-философская. Трудно представить себе немецкого пастора не таковым. При биологической передаче этого свойства на детях, эта спекулятивно-философская установка не может не служить той естественной предпосылкой (исходным пунктом), откуда (при кумуляции этого свойства) должна расти потребность проверить те или иные философские интуиции на эксперименте. И действительно, эту тенденцию мы видим у отца Роберта Майера.

Отец Майера—Христиан Якоб Майер, поселившийся в 1796 году в Heilbronn'e и открывший здесь аптеку («Zug Rose»), определенно выражает эту тенденцию экспериментатора. Rümelin*) описывает его внешность как человека низкого роста, отличавшегося дородностью, с большой головой, по видимому, с пикническим строением тела. Он отличался добродушным и тихим характером, но и некоторыми странностями. Интеллектуально он резко выделялся из своей среды как человек незаурядный. К своей профессии он относился с большим интересом не только как к средству существования, но как научный экспериментатор и исследователь. В свободное от обычных занятий время, он с любовью отдавался научным занятиям в различных областях естествознания. Он имел богатый инструментариум и лабораторное оборудование, богатую минералогическую и ботаническую коллекцию, а также богатую научную библиотеку. Все это давало ему возможность предаваться любимым занятиям научного экспериментатора

*) Rümelin. G. Reden und Aufsätze. Neue Folge. Freiburg und Tübingen 1881.

Мало того, он с большой любовью смотрел на своих сыновей, которые с малых лет впитывали в себя научно-исследовательскую атмосферу, царившую в его доме, и как его дети отдавались естествознанию с такой же любовью, как и он сам. Правда, вначале это выражалось в детских играх, основанных на опытах, так называемой, занимательной физики и химии. Впоследствии эти игры уже выливаются в серьезные научные занятия.

Таким образом, из этих уже данных мы можем заключить, что в лице отца Майера мы имеем, во первых, человека с научно-творческими наклонностями, во-вторых эти наклонности имеют определенное направление—исследовательское экспериментирование в области естественных наук. Философско-умозрительная установка его отца (т. е. деда Майера) здесь переходит в опытно-экспериментаторскую установку с реальным содержанием (вместо теолого-метафизического содержания у деда). Здесь скрытый комплекс исследовательской одаренности кумулировался настолько, что стал переходить в нечто активное. Симптомы творческой активности (пока только симптомы) отца есть 2-й этап родовой кумуляции одаренности Майеров со специфическим односторонним уклоном. Таким образом, в лице отца Майера, мы имеем тот тип отцов великих людей, которые в себе скрывают ядро кумулятивной одаренности, которое затем в лице его сына даст разряд гениальной активности. Такие отцы всегда проявляют симптомы этой скрытой одаренности, как бы в форме зачаточности того большого, которому предстоит разрядиться. Накопленный капитал наследственной кумуляции здесь как-бы достиг максимальной зрелости. Появлению великого человека предшествуют всегда такие отцы-накопители, чтоб его сын после него «растражирил» все его накопленное богатство. Таких «отцов-кумулянтов» мы должны выделить как «преингениальные типы» отцов, т. е. такие типы, которые готовят почву для гениального разряда его сына. Эти «отцы-кумулянты» имеют своеобразную симптоматику, изучение которой в будущем, быть может, даст возможность «нащупать» скрытое ядро гениальной одаренности еще прежде чем оно выявилось. Конечно, эта симптоматика не ограничивается одними отцами—она также проявляется и у других членов такой преингениальной семьи. Братья Роберта Майера проявляли симптомы, которые дополняли картину «семейной кумуляции». Так, старший брат Роберта Майера, как и младший продолжают научно-исследовательские склонности отца; отдаются этим занятиям с такой же любовью как и отец, причем впоследствии средний брат продолжает аптекарскую профессию отца, старший же и младший, как наиболее одаренные, продолжают кумуляцию творческо-исследовательского характера. Впоследствии, когда Робертом Майером был открыт закон сохранения энергии, старший брат был одним из первых последователей этого закона. Таким образом, кумуля-

тивные симптомы по мужской линии Майеров здесь определенно выражены, в особенности, в лице отца. Здесь даны условия для того, чтоб появился тот биологический феномен, который мы формулировали в другом месте как явление гипостатической реакции гениальной одаренности, о чем будет речь дальше.

в) Диссоциативные симптомы в семье Майеров.

Диссоциативные симптомы в семье Майеров вводятся, главным образом, по материнской линии. В фамильном анамнезе матери (по данным, собранным врачами-психиатрами, лечившими в свое время Роберта Майера) установлено, что среди членов семьи матери имеются странности и ненормальности в характере.

Относительно самой матери мы знаем (по анамнестическим данным, собранным Landerer), что она, будучи девушкой, страдала половинным параличем (гемиплегией) всего тела истерического характера, отчего у ней остались потом некоторые затруднения при ходьбе на всю жизнь. Точно также мы узнаем из этих данных, что она была человеком ограниченным в своих способностях. Кроме того, она имела чрезвычайно аффективный, вспыльчивый и раздражительный характер и вообще была особа нервная с неустойчивой лабильной психикой. Однако, психически больной она не была. Умерла она в 1844 году после 39 летнего замужества, от туберкулеза. Из этого мы можем заключить что мать в семье Майеров сыграла роль стягивающего фактора. Душевная болезнь Роберта Майера и вообще его психопатическая конституция, ненормальности его братьев, (которые по вышеупомянутым данным фамильного анамнеза, были также люди эмотивные, вспыльчивые, раздражительные, и которые по ничтожному поводу могли впасть в чрезвычайное возбуждение и гнев) все это унаследовано с материнской стороны. Кроме того, склонность детей Роберта Майера к мозговым болезням (от которых они умерли) надо также отнести за счет этой наследственности.

Все эти данные дают нам основание заключить, во 1-х, что диссоциативные симптомы в семье Майера имеются налицо, и что диссоциативный компонент унаследуется с материнской стороны.

По типу распределения этих факторов (диссоциативный компонент со стороны матери, кумулятивный компонент от отца) согласно нашей группировке по компонентам (см. Патогенез и биогенез великих людей, Клинич. Архив Гениальн. и одарен., вып. 1-й, том. I) семья Майеров принадлежит ко 2-ой группе.

с) Гипостатическая реакция фамильной одаренности в семье Майеров.

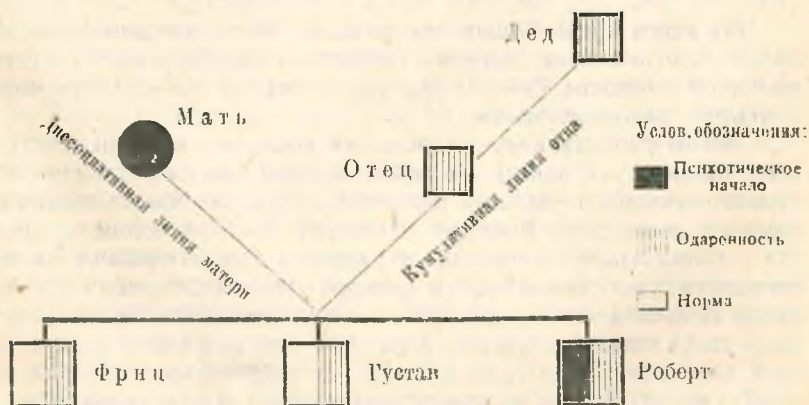
О том, что каждый великий человек должен рассматриваться как результат некой биологической реакции, называемой нами

гипостатической реакцией, мы подробно указывали в других наших работах *). Непременным условием появления такой реакции мы ставили: наличие скрещения таких 2-х родовых компонентов в семье (где происходит эта реакция), из которых один компонент является—родовая кумуляция одаренности, другой компонент родовой (наследственный) психотизм (resp. невротизм). Причем, роль психотического компонента сводится к роли диссоциатора скрытой кумулятивной одаренности (или роль реагента), вызывающего вышеупомянутую гипостатическую реакцию, результатом чего является активная гениальность герр. талантливость данной личности.

Когда мы здесь говорим о гипостатической реакции гениальной одаренности в семье Майер'ов, результатом которой мы можем объяснить появление гениальной активности Роберта Майера, то мы должны ответить на следующие вопросы:

1. Имеются-ли в семье Роберта Майера эти 2 компонента.
2. Если имеются, то чем характеризуются эти компоненты в отдельности.
3. Каков характер этой гипостатической реакции у Майер'ов.

Имеются-ли эти 2 компонента в наличии в семье Р. Майера, то на этот вопрос мы можем ответить положительно. Выше мы констатировали, что кумулятивная линия одаренности имеется по линии отца, следовательно, кумулятивный компонент имеется с отцовской стороны. Что касается компонента диссоциативного, то мы констатировали его у матери. Судя по этим данным, мать была, как мы уже отмечали выше, особа истерическая, она имела истерическую гемиплегию, была человеком очень эмотивным, с весьма ограниченными способностями. Соотношение этих 2-х компонентов мы можем себе представить в виде такой схемы,

*) См. наши работы в 1-м и 2-м выпусках „Клин. архива Гениальности и одаренности“ том 1.

из которой мы видим характер распределения этих компонентов в семье Роберта Майера.

Согласно теории гипостатической реакции, диссоциативный компонент должен в этих соотношениях растормозить кумулятивный компонент отца, чтоб тем дать возможность активироваться этому кумулятивному началу, что действительно мы и имеем в лице Роберта Майера. Роберт Майер и его эвроактивность— результат именно такой гипостатической силы, где материнское начало сыграло роль толкача-диссоциатора того начала, которое было заложено у отца, а у Майера, благодаря этому сделалось активным. Что касается отдельной характеристики компонентов, то здесь мы видим следующие соотношения. Характер диссоциативного компонента можно определить как гиперкинетический, подразумевая под этим такое состояние, когда данное невропатическое или психотическое начало окрашено резко эмоционально и служит динамическим моментом, в этих соотношениях в отличие от гипокинетических состояний, где эмоциональность притуплена или даже отсутствует, а потому и отсутствует динамический момент (напр., при шизоидных состояниях). Эмотивность и аффективность матери, а также гипоманиакальный характер Роберта и его братьев, несомненно, говорит за гиперкинетический характер диссоциативного начала. Закон гипостатической реакции у Майеров иллюстрируется типично.

Итак, Роберт Майер, как личность эвроактивная, является результатом скрещения вышеупомянутых компонентов и должен быть рассматриваем как реактивное явление 2-х «реагентов», скрещивающихся в лице отца и матери. Как структурно формируется эта реактивная одаренность (а также реактивный психотизм) в лице Роберта Майера мы увидим из следующих глав.

В. Европатология личности Роберта Майера.

Из всего предыдущего мы видели, что те предпосылки, которые впоследствии должны служить исходным пунктом для развития личности Роберта Майера, являются результатом определенной закономерности.

Закон гипостатической реакции гениальной одаренности— есть именно тот закон, который создает эти закономерности, подготовляющие появление великих людей вообще, и в данном случае личности Роберта Майера. В дальнейшем, когда эта гениальная личность в своих биологических предпосылках уже появилась в дачной семье (т. е., иначе говоря когда генотипические условия развития гениальности закончили свое дело) вступают законы фенотипического развития гениальной личности. Здесь уже помимо биологических факторов начинает играть большую роль влияние среды, а те основные 2 компонента: кумулятивный и диссоциативный—продолжают развиваться закономерно в новых условиях данной среды.

Точно так же и здесь у Роберта Майера, когда мы рассмотрим его развитие в условиях среды, кумулятивный и диссоциативный компонент продолжают развиваться дальше, получая, конечно, под влиянием этой среды новую структуру, новые формы проявления и новую симптоматиологию. Фенотипическое развитие личности Роберта Майера под влиянием всех факторов среды сохраняет свой европатологический характер. Симбиоз симптомов активной гениальности с симптомами психотизма продолжает создавать тот узор европатологической личности, который нас так поражает в этих людях.

Изучению и анализу симптомов диссоциативных и кумулятивных, создающих этот симбиоз, посвятим следующие главы.

а) Симптомы диссоциативные личности Роберта Майера.

Так как в творческой личности и в творческих приступах у Роберта Майера диссоциативные симптомы играют ту или иную роль, то мы должны изучить эти симптомы, по возможности подробно. Понятно, что здесь эти симптомы нас интересуют больше всего как евро-позитивный фактор, а не как евро-негативный фактор.

Поясним, что мы понимаем под этими терминами, так как мы здесь, в этой работе вводим эти термины впервые. Каждое невропатическое или психотическое состояние может сыграть или позитивную роль или негативную в структуре творческой личности и в психомеханизме творческого приступа.

В первом случае мы можем говорить о положительной или европозитивной роли патологического фактора. Во втором случае мы говорим об эвронегативной роли патологического фактора, когда патологический фактор разрушает структуру творческой личности и его творческих психомеханизмов.

Эвропатология, конечно, больше всего интересуется европозитивным значением патологии. Однако, фактически такое разделение патологии не всегда возможно. В одной и той же личности эвропозитивная и эвронегативная патология могут так переплетаться между собой, что одно от другого трудно различить. Поэтому при изучении интересующих нас европозитивных механизмов, необходимо сначала изучать полностью всю патологию личности в клиническом значении этого слова, и лишь при тщательном эвропатологическом анализе взаимоотношений кумулятивных и патологических симптомов удастся выявить европозитивные моменты патологии.

У Роберта Майера мы увидим ниже, что только некоторые патологические состояния были европозитивны, в большинстве же случаев они были эвронегативны (или в лучшем случае, для творчества безразличны).

Перейдем теперь к изучению истории болезни Роберта Майера, в целях освещения диссоциативной симптоматиологии его личности.

По своей физической конституции Роберт Майер принадлежит к пикникам. Такое строение тела Роберт Майер унаследовал от отца, который также имел пикническое строение тела.

С детства он перенес все обычные детские болезни. Повидимому, физически он рос здоровым ребенком, ибо известно, что он в детстве отличался необыкновенной выносливостью и настойчивостью в физических и спортивных упражнениях, например, в спорте плазания и маршировки. Так, юношей-студентом он с одной передышкой прошел пешком 77 километров расстояния от Heilbron'a до Tübingen'a. И все это он проделал в 14-15 часов. Или, например, студентом в Tübingen'e он спас утопающего товарища Wentz'a.

Если в отношении физическом Майер в детстве и в юношеские годы выделялся своей ловкостью спортсмена, то в отношении нервно-психическом—Майер резко выделялся своей необычайной раздражительностью и резко аффективным характером. Так, вследствие этого, а также вследствие «недостаточной прилежности и ревности» к учению, Майер оставляет учение в гимназии Heilbronn'a и переводится в Семинарию Schöthal.

В анализе историй болезни тех лечебных заведений, где он впоследствии находился, отмечается, что хотя Роберт Майер был «человеком добродушным и благородным», но он выделялся чрезвычайной аффективностью, вследствие чего он «не выносил никаких противоречий или препятствий в проявлении его воли и настойчивости».

Как ученик и студент он отличался необычайно живым темпераментом. В разговоре он быстро перескакивал с одного предмета на другой или забегал вперед, к окончательным выводам раньше времени, причем промежуточные звенья, связывающие логический ход мысли, упускались. Быстрый ход ассоциативных процессов делал его мысль и речь живой, остроумной, уснащенной поэтическими рифмованными отрывками. Вследствие этого он слыл в своей среде человеком необычайным. На многих он производил впечатление человека беспечного и веселого. В свидетельстве Landerer'a отмечается, что в его натуре было что-то из стиля барокко, а товарищам своим он давал повод называть его кличками: «spinne» и что у него бывает «grapple»; известно также, что в юности он боялся сума сойти и мучился часто мыслями о самоубийстве. В Tübingen'e, будучи студентом последних семестров, он принял участие в образовании тайной студенческой корпорации Corps Guestphalia, за что его как соучастника запрещенного общества осудили на год на Consilium abeundi. В предварительном заключении он отказался от пищи. Позвали врача, который нашел его «нормальным», но все-таки вследствие «прилива крови» ему 2 раза пускали кровь. Но так как он продолжал отказываться от пищи, то его отпустили домой под домашним арестом. В своем заключении к университетскому начальству врач извещает, что Майер хотя не вполне душевно больной, но находится в таком состоянии, которое легко может

перейти в душевное заболевание. Этому свидетельству врача соответствуют также показания всех тех лиц его знавших, которые подтверждали, что Майер при малейшем случае впадал в необычайно возбужденное болезненное состояние. Надо полагать, что это состояние есть один из его первых легких психотических приступов, вызванных заключением. Мы не знаем только был ли этот приступ маниакальным или депрессивным. За последнее больше говорит упорный отказ от пищи. По окончании медицинского факультета Майер в качестве корабельного врача предпринимает путешествие в Ост-Индию в колониальные владения голландцев с целью остаться в этих колониях несколько месяцев. Это путешествие длилось около 4-х мес. За все это время он вел дневник. Работы на корабле было немного, ибо экипаж корабля состоял из 28 человек, но он имел с собой много книг, чтоб заняться научно.

Во время езды погода стояла хорошая и он чувствовал себя физически, повидимому, удовлетворительно. Только с момента, когда корабль вступил в зону тропической жары после середины марта 1840 г. он начал страдать головными болями, разбитостью и расстройством желудочного характера. Психически, однако, за время путешествия он, повидимому, был подвержен резким колебаниям настроения. Так, в дневнике от 10-IV отмечает о своем душевном состоянии: «мрачные мысли, тяжелые заботы, которые концентрируются вокруг образа моего отца, угнетают меня сегодня еще более, чем когда-либо». (Точно также, позже, в день рождения отца—31 мая—он также мрачно настроен). 16 апреля его дневник отражает приподнятое настроение. При виде встречного корабля, он отмечает, что этот день самый радостный день его морского путешествия.

Когда Роберт Майер прибыл с пароходом к месту назначения, он, вместо первоначального плана остаться в Индии на продолжительное время, нарушает договор службы и с этим же пароходом возвращается обратно.

Повидимому, с ним произошло нечто такое важное, что побудило его на такой неожиданный поступок. В истории болезни Майера у Landerer'a насчет этого момента в жизни Майера отмечается, что, вероятно, в этом морском путешествии и кроется причина, давшая впоследствии толчок развитию душевной болезни Майера. Сам Майер, отмечал, что во время морского путешествия он был подвержен острому психическому заболеванию с делириозным бредом, которое продолжалось целыми днями, для чего пускались в ход самые энергичные кровопускания. Landerer предполагает, что у Майера, возможно, было воспаление мозговых оболочек, вследствие «солнечного удара», а остаточные после этой болезни патологические образования могли служить исходным пунктом для мозговых гиперемий (впоследствии ставших основой его дальнейшей болезни). Так как Роберт Майер вел во время путешествия дневник, а в дневнике об этом ничего не сказано, с другой стороны о своей болезни сам Майер заявлял.

Landerer'y, то авторами предполагается, что это заболевание могло быть на обратном пути. А на обратном пути он потому ведение дневника оставил, что он был весь в это время поглощен своими открытиями. Так или иначе, здесь мы можем отметить, что во время путешествия Майер болел каким-то острым психическим заболеванием, об этом отмечается в истории болезни лечившего его врача Landerer'a на основании заявления самого же Майера. Точно также в это время обратного путешествия, Майером сделано было его великое открытие.

По возвращении на родину в начале 1841 г., он, повидимому, оправился настолько от своей болезни, что занялся врачебной практикой в Heilbronn'e и на следующий год женится на некоей Wilhelmine Clos. С этого времени и до конца 40-х годов, биографами ничего особенного в жизни Майера не отмечается. Он отдался своей практике врача, своей семейной жизни и своему научному изобретению. За это время он создает свои три основные работы. Повидимому, он в это время находился в светлом периоде преиспихотического состояния. Однако, в анамнезе Landerer'ской истории болезни, об этом периоде жизни отмечается (повидимому, со слов его жены): часто он был подвержен внезапным вспышкам необычайного возбуждения («Masslos aufgereggt») и что он мог также позволить «kleine unvernunftigkeiten», вроде того как сломать (в гневе) какую-нибудь мебель или разорвать платье. Точно также он по отношению к своим близким, напр., к жене (котор. он страстно любил) пред'являл такие невероятные и бессмысленные требования («Kindskopfereien», как он их сам называл), что приходилось ему в них уступать, лишь бы не доводить его до состояния болезненного возбуждения.

Самые тяжелые приступы психической болезни для Майера начались с 1850 года, когда он внезапно выбросился из окна (30-го мая). А самым тяжелым годом был для него 1852 г., когда его поместили в психиатрическую больницу, где он пробыл до 1853 года. Первый тяжелый приступ начался таким образом (как сам Майер описывает): ночь на 28 мая 1850 г. он провел в возбужденном состоянии; вследствие бессонницы от якобы тогда господствующей жаркой весны. Рано утром его возбуждение вылилось в внезапный приступ крайне возбужденного и делириозного состояния, во время которого он еще не одетый, полуголый, на глазах проснувшейся его жены, выбрасывается на мостовую из окна 2-го этажа (9 метр. высоты).

Каким-то чудом он остался, в общем, жив и неповрежден, каких-либо переломов (ног или рук) не последовало, зато ступни были тяжело поранены. Последовал долгий период коечного лечения, после чего постепенно ноги его настолько были восстановлены, что он мог мало по малу ходить. И только после долгого времени он мог, опираясь на трость, выходить на улицу.

Биографы причине психической болезни приписывают следующие обстоятельства: во-первых, будто, несчастные обстоятельства в семейной жизни. Он теряет сына в возрасте одного года,

вследствие болезни острой водянки мозга (*Hydrocephalus acutus*). Обе дочери, рожденные вслед за этим, умирают также одна за другой в 1848 году—одна от коклюша, другая от воспаления мозга и коклюша. Затем в 1849 году его старший брат, Фриц, двинулся вместе с соотечественниками своими на помощь восставшим тогда баденским повстанцам. Роберт Майер, хотя был далек от политики, но счел своим долгом удержать своего брата от участия в восстании. При этом он подверг себя риску быть расстрелянным по подозрению в шпионстве, и только благодаря вмешательству его клиентов, знавших его, он был спасен от этой опасности. Однако, брата он не нашел. Это обстоятельство его, будто, чрезвычайно возбудило. В 1851 году у Майера здоровье настолько поправилось, что он уже опять отдался врачебной практике в своем родном г. Гейльбронн. В это же время он написал несколько научных работ. Как нитяжель были последствия прыжка из окна для его ног, однако, в целом надо их считать ничтожными, принимая во внимание ту опасность, которая ему угрожала, ибо в конце концов у него ни сотрясения мозга, ни тяжелых переломов конечностей не было. Д-г Mülberger, врач, который лечил его в Kennenburg'e, констатировал у него лишь поражения правой мышелки правой ноги (*Frankfurt. Zeitung* 1879 № 21 и *«Deutsche Warte, 1894, III»*) и смещение в голено-стопном суставе сопровождавшееся, повидимому, разрывом связок и суставной капсулы, а может быть, также фиброзного аппарата. Вследствие этого понятно будет, почему вначале состояние больного производило впечатление тяжелой болезни. Так или иначе, но последствия этого падения для ног были значительны, ибо несколько месяцев способность движения ног была затруднена. Но затем уже он мог ходить с помощью палки. Для завершения лечения он посетил курорт Bad Wildbad, откуда он давал в письмах к жене сведения о ходе лечения. Так, в письме от 15-VI он сообщает, что на прогулке он ходил уже без палочки и что другие ему говорили,—для того, чтобы заметить его недостаток в ходьбе надо внимательно всматриваться. Далее он сообщал, что он надеется лечение довести до такого состояния, что он сумеет удобно ступать на пятки.

Его врач Д-г Schwikle (сообщает он также) заказал ему специальную обувь, врач его также заверял, что дело настолько хорошо идет, что через год ничего не останется от этого повреждения, а ходить он будет также как и раньше. В сообщениях своих к жене Майер также отмечал, что в ногах он чувствует то состояние здоровья, которое он не имел за все время своей болезни. Однако, у него сохранилось на всю жизнь время слабости в ногах, а также небольшое нарушение походки. Несмотря на этот оставшийся недостаток походки, он мог в 1854 г. предпринять большие путешествия пешком.

В период его выздоровления от прыжка со 2-го этажа каких-либо болезненных психических изменений не отмечается. Однако, таковые замечаются уже с осени 1851 г. в письмах к Lang'у,

священнику в Сörringen'e. В письме от 11-XI—1851 г. Майер, между прочим, пишет: «когда я бежал к тебе в Сörringen, то это произошло, без сомнения, в состоянии своего рода предчувствия неизбежной опасности. Я был в состоянии Stadium Prodromorum, выражаясь медицинским языком, воспаления мозга. Мое письмо от 29-го прошлого месяца написано было, само собой разумеется, когда я уже находился в делириозном состоянии, возроставшем все более и более. Подробности я тебе как-нибудь устно расскажу. Болезнь, слава Богу, приняла, сверх ожидания, благоприятный исход, и я уже через несколько дней был в состоянии исполнения мой обязанности, чему я был обязан наступившему успокоению болезни. Что мозг мой еще страдает от прилива крови (Blutanschoppung) после счастливо перенесенной стадии острого приступа, это естественно и в порядке вещей. Вследствие этого я нахожусь в состоянии раздражительности, отчасти в ипохондрическом настроении, что в свою очередь, чеблагоприятно отражается на соматическую сторону. Однако, я чувствую, что с Божьей помощью я вылезая из этой Сциллы и Харибды; чувствую, что крепну физически и духовно. делаюсь веселее»... В других письмах этого периода также заметно сильно возбужденное состояние Майера.

С осени 1851 года, приступы возбуждения у Майера стали сильнее повторяться и именно, как это Weugauch отмечает, эти приступы стали чаще и почти что с правильными интервалами. Так как в начале апреля 1852 года опять возобновился приступ в весьма резкой форме, за которым не последовало настоящего успокоения, то Майер решил сам лечь в лечебницу для нервных и душевно-больных Kennenburg'a, находящуюся недалеко от Esslingen'a.

В этой же лечебнице Майер впоследствии находился несколько раз (в 1856, 1865 и 1871 году). На этот первый раз ему эта лечебница не понравилась: ему не понравились «казарменные» порядки этого заведения. В письме к жене от 21-IV—1852 г. он сообщает, что он страдает от скверного настроения и что применяемые здесь для лечения холодные ванны ему не помогают. Так как Майер не пожелал более оставаться для лечения в этой лечебнице, то он оттуда отправился со своей женой к родителям последней в Winnenden в надежде, что там ему будет лучше. Однако, надежды и здесь не оправдались, здоровье его не улучшалось, он отправился к директору находящейся вблизи психиатрической лечебницы (в Winnenthal'e) д-ру Zeller-y, с которым и посоветовался насчет своего здоровья. Между прочим Целлеру он жаловался на свое одиночество и выразил желание с кем-нибудь познакомиться, чтобы можно было посоветоваться и обменяться научными знаниями особенно о тех проблемах, которые его сильно занимают. Целлер посоветовал ему отправиться в Сörringen к его приятелю Lang'у и доктору Landerer'у также приятелю Майера. В то время как раз д-р Landerer основал вместе с д-ром Palm частную психиатрическую лечебницу. Когда

Майер прибыл в Sörpingen, он сначала отправился к Lang'у. Из писем Lang'а к Weyrau h (Weirauch, Kleinere Schriften S. 344) можно видеть, что во время этого посещения Майера, он был чрезвычайно возбужден, причем настолько резко высказывал идеи греховности и самобичевания, что даже у него, Lang'а (он был пастор), возникла мысль о душевной болезни Майера. Вследствие этого Lang уговаривал его остаться на некоторое время у Landerer'a. Майер согласился.

Landerer'у также бросилась в глаза чрезмерная возбужденность и страстность, с которой обсуждались научные проблемы, и он был очень озабочен насчет его психического здоровья (письмо Landerer'а к Целлеру от 2-V 1852 г.). Приемом Landerer'a Майер также остался недоволен. Он раздражался по поводу каждого вопроса, поэтому через 2 дня он собрался уехать. Повидимому, уже на вокзале начался сильный приступ маниакального возбуждения. Об этом сам Майер говорит таким образом: «Так как цель моей поездки не оправдала себя, то я, наконец, в отчаянном душевном состоянии решил через пару дней уехать. И когда на вокзале я уже купил себе билет на поезд, вдруг меня охватило необычайное внутреннее беспокойство и страх; страх этот нарастал до бессознательного состояния, так что я себя вспоминаю смутно в сноподобном состоянии, когда меня d-r Landerer отправил в кабриолете обратно в его близлежащую лечебницу. Дальше память меня оставила: я впал в состояние «furibundes Delirium». По письму Landerer'a к Целлеру (от 2-V) известно, что Майер впал в чрезвычайно резкое маниакальное возбуждение, сопровождавшееся буйными и разрушительными наклонностями, отчаянным криком. На следующий день пациента навестил Lang. На вопрос Майера, чего Lang от него хочет. Lang ответил: «Майер, думаешь-ли ты, что я тебе желаю добра?» Тот ответил:—«чтоб ответить на это я должен сначала бога спросить». После этого у него снова начался сильный приступ. С трудом его могли удержать от буйства. К вечеру ему стало опять лучше, но когда на следующий день приступ повторился, Landerer написал Целлеру, чтоб жена Майера отправила его в лечебницу или Winnental или Kennenburg'a: ибо его лечебница, (где Майер находится сейчас) недостаточно еще благоустроена. К тому же сам Майер требовал свидания со своей женой. На следующий день при посещении его Lang'ом он был спокойнее, однако, эта фаза сильного маниакального возбуждения продолжалась шесть дней, а затем наступило улучшение. По прибытии жены его, Landerer по ее просьбе и по указанию Майера сделал ему кровопускание. Майер при этом добавил, что жена в последние два года хорошо знает его приступы. Жена вскоре уехала обратно. Майер же остался пока в Sörpingen'e. Его состояние в дальнейшем было подвержено большим колебаниям то возбуждению, то успокоению. В светлые промежутки он настолько хорошо чувствовал себя, что мог вместе с Lang'ом, который его часто навещал, делать прогулки, а иногда

и сам навещал аптекаря Mauch^a. Landerer в письме от 12-VII—1852 г. писал о нем Целлеру, что у Майера вот уже в течение 2-х месяцев приступы сильного буйства чередуются с 2-х или 3-х дневными ремиссиями. В настоящий момент, сообщает он, состояние его хотя удовлетворительно, однако ход лечения его представляется затруднительным в виду того, что школьно-товарищеские и приятельские отношения прежнего времени служат непреодолимым препятствием для этого, а потому он настоятельно просит возможно скорей перевести его в Winnenthal.

В лечебнице Sörpingen а Майер пробыл всего 3 месяца. Ремиссии, имевшие депрессивный характер вначале, позднее стали носить характер маниакальный, сопровождавшийся веселостью, самодовольным настроением и пр. В состоянии буйства приходилось применять по отношению к нему меры стеснения («смирительную рубашку»), ввиду большой опасности для его жизни (склонность к агрессивным действиям, опасность выскочить из окна). Повидимому, это последнее обстоятельство и заставило Landerer^a при последовавшем переводе больного в Winnental, применить эти меры стеснения, ибо сам Майер отмечает, что он прибыл в Winnental в «смирительной рубашке».

14 июля 1852 года Майер прибыл в лечебницу Winnental. Поводом для принятия его в эту лечебницу в истории болезни отмечается: «периодически душевно болен 3 года, фамильно отягчен, «Tollhet». Вначале его состояние было без перемен. К концу года ремиссии стали более длительными. Затем состояние его опять ухудшается до марта месяца 1853 года. Затем опять наступают более длинные ремиссии, а с апреля начинается постепенное улучшение, хотя и прерываемое часто приступами болезни. 1-го сентября 1853 года, по настоянию самого Майер^a, требовавшего выписки, он был выписан с отметкой «выписан с улучшением». Из этой отметки можно заключить, что вполне здоровым он еще не был; и вообще, повидимому, затруднительно было ставить прогноз выздоровления, вследствие того, что болезнь его принимала затяжной характер.

После выписки Майер отправляется на несколько недель в Швейцарию. По дороге он навещил опять Lang^a в Sörpingen^e, где он в резкой форме отозвался о своем пребывании в лечебнице. И впоследствии он плохо отзывался о пребывании своем в больнице, иногда он говорил, что он вообще не был психически болен и раздражался при воспоминании о больной жизни настолько, что потом избегал и говорить с ним на эту тему. Периоды возбуждения хотя и повторялись, но не достигали прежней интенсивности. По сообщению Rumelⁿ^a, эти периоды возбуждения сопровождалась чрезмерной обидчивостью и чувствительностью, необычайной сварливостью и аффективностью даже по отношению к самым близким. Также возбуждения эти сопровождалась вспышками жестокого гнева, которые могли длиться часы, целые дни и ночи. Во время этих вспышек от постоянно ме-

тался, был двигателью возбужден и бегал по всему дому. Спиртные напитки, которыми он чрезмерно злоупотреблял, способствовали ухудшению его болезненного состояния. В большинстве случаев все это у него успокаивалось само собой. В тех же случаях, где успокоения не наступало (а такие случаи бывали неоднократно), он сам, или по уговору родных и друзей, отправлялся в лечебницу. Обычно он выбирал лечебницу в Kennenburg'e и бывало, что туда отправлялся сам без сопровождения.

Таким образом, впоследствии, когда болезнь у него приняла острый характер, Майер находился на излечении в психиатрической лечебнице еще 3 раза и всегда в Kennenburg'e: с 27-IV по 30 мая 1856 года, затем в 1865 году с 3 октября по 1 ноября и в 1871 году, с середины августа по середину ноября 1871 года. В противоположность первому пребыванию в лечебнице, в эти случаи пребыванием своим в лечебнице он оставался доволен и хвалил и благодарил всегда в письмах директора и врачей, его лечивших (Weirauch, Kleine Schriften).

О последнем пребывании Майера в Kennenburg'e (т. е. в 1871 году) имеется подробное описание лечившего его врача D-r A. Mülberger'a (Frankfurter Zeitung 1879, № 21 и 23).

Этот психиатр говорит о нем, что, спустя уже несколько дней после его поступления в лечебницу, Майер, после того как он в совместном пребывании с другими больными выявил себя как очень беспокойный больной, держал себя вызывающе,—потребовал в очень бурной форме, чтоб его изолировали в отдельную камеру и тут же начался с ним приступ чрезвычайно сильного возбуждения. Такие эпизоды у него затем наступали приблизительно один раз в месяц. При этих приступах Майер был в состоянии сознавать свое положение и для врача не было никаких затруднений при требовании, чтоб он в эти моменты изолировался в отдельное помещение. Эти фазы необычайно сильных возбуждений, требовавших его изоляции, были кратковременны и обычно продолжались пару дней. Зато, отмечает этот психиатр, трудно было заставить его оставить изолятор (после приступа), ибо наступившая депрессия после возбуждения настолько была сильна, что идеи самообвинения и самобичевания затормаживали в нем всякое желание уйти из изолятора и он не раз высказывал, что он только тогда и оживает, когда находится в изоляторе. Майер, которого всегда в прогулках сопровождал провожатый, однажды ушел из больницы самовольно и без разрешения врача. На 2-й день пришло известие из Heilbronn'a, что он находится дома, и в плохом состоянии. Тогда сам D-r Mülberger отправился в Heilbronn и без всякого особенного труда привез его обратно в больницу. После этого случая, санитар, ухаживавший за ним, держал его вещи и платья под замком. Однако, по возвращении однажды с прогулки, Майеру удалось часть нужных вещей упрятать и переодеться в соседнем саду, когда

он вздумал покинуть самовольно лечебницу, и уехал снова домой. Так как пришедшие о нем вести были успокоительного характера, т. е. что в его болезни наступила ремиссия, то обратного возвращения в больницу не потребовалось. В ноябре же 1871 года, когда еще он был в Kenneburg'e, он получил известие, что его отличили наградой «Copleymedaille», а также сердечное поздравление по этому поводу его друга, Tyndall'я. По Rumellin'у в позднейшие периоды его жизни приступы возбуждения стали реже и не так резки как прежде, и быстро проходили. Майер умер 20 марта 1878 г., как и его мать, от туберкулеза легких.

На основании всего изложенного мы можем о болезни Роберта Майера вывести следующие данные:

Роберт Майер происходит из отягченной семьи, где, главным образом, мать сыграла роль отягчающего момента в этой семье, и передавшая детям невропатическую конституцию. Из всех трех детей этой семьи самый младший, Роберт Майер, был подвержен этому отягощению—больше всех. Хотя по своим способностям интеллектуальным, правда, односторонним, Роберт Майер выделялся среди других, однако с ранних лет он отличался чрезвычайно живым темпераментом, со склонностью к быстрым вспышкам возбуждения и гнева, чрезмерной говорливостью, подвижностью и упрямством. Всем этим особенностям характера были подвержены его братья и мать. Однако, всей семье свойственно было добродушие и сердечность как в отношениях друг к другу, так и в отношениях к другим. Роберт Майер не перенес никаких соматических болезней. Уже юношей Роберт Майер стал выявлять определенные колебания в своих настроениях: то слегка возбужден, то слегка депрессивен, со склонности к разочарованности и ипохондрическим настроениям. Во время предпринятого им морского путешествия в Ост-Индийские Острова после окончания Университета—26 лет—у него появился, повидимому первый кратковременный приступ психотического характера, который им самим был определяем как «Delirium».

По возвращении из путешествия, отдавшись врачебной практике и научным работам, у него заметно нарастало возбуждение, и в возрасте 36 лет в состоянии приступа психотического возбуждения после бессонной ночи, в жаркое время рано утром выскакивает в бредовом состоянии из окна 2-го этажа, без того, чтоб тяжело или с опасностью для жизни поранить себя. За время лечения поражения ног после этого прыжка он психически постепенно успокаивается и переходит к своей работе. Таким образом, 2-й психотический приступ произошел 10 лет спустя в более опасной форме. Через год (1851 г.), следовательно в возрасте 37 лет наступает новый приступ. Состояние это характеризуется сильным возбуждением, сменяющимся депрессивными приступами с идеями греховности и ипохондрическими

настроениями. Болезнь его принимает такой тяжелый характер, что он помещается в лечебнице для нервно-душевно больных, где он, однако, не почувствовав улучшения, отправляется к своему другу в состоянии возбуждения. Но состояние его настолько ухудшается, что он отправляется в 1852 г. в частную психиатрическую лечебницу, где и пробыл 3 месяца. Здесь констатируются врачами приступы сильного маниакального возбуждения с склонностью к буйству и агрессивным действиям, которые быстро проходят, сменяются приступами депрессивными, которые опять в свою очередь снова чередуются с приступами маниакального возбуждения. Так как это чередование приняло хронический характер, его привозят в более благоустроенное психиатрическое заведение. Здесь та же картина болезни повторяется около $\frac{3}{4}$ года, а затем постепенно он начинает поправляться настолько, что после 13 месяцев его отпускают с улучшением на волю.

После этого таких сильных психотических приступов у него не было, но время от времени вспышки возбуждения, чрезвычайной раздражительности и гнева повторяются. Через 6 лет, а затем через 15 и затем через 21 год после этого, психотические приступы повторяются снова. Он проводит в психиатрических больницах каждый раз около 4-х недель. В промежутках между ними он остается слегка возбужденный и раздражительный. В общем картина его болезни характеризуется следующими данными: на фоне длительного гипоманиакального состояния, время от времени Роберт Майер подвержен приступам чрезвычайного психического возбуждения, сопровождающегося двигательным возбуждением, доходящим до буйства с повышенной деятельностью сосудистой и респираторной системы. Эти состояния длятся или часами или несколькими днями. Возбуждения эти вели к таким резким проявлениям двигательного беспокойства, что имели характер агрессивности, разрушения и буйства, опасные для окружающих и для него самого (прыжок из окна 2-го этажа). Протекание ассоциативных процессов носило характер скачки идей (*Fuga Idearum*). В промежутках между приступами, а также в препсихотических состояниях он был подвержен вначале меланхолическому состоянию, позднее гипоманиакальному состоянию. В одном случае вышеупомянутые приступы с перерывами длились $1\frac{1}{2}$ года. Из всех выше приведенных данных вытекает, что *Роберт Майер страдал маниакально-депрессивным психозом.*

Здесь необходимо отметить, что форма маниакально-депрессивного психоза у Майера имеет свои особенности. Мы не имеем здесь правильно-бы чередовалась с маниакальной. В первый период развития болезни до 1852 года, когда он находился $1\frac{1}{2}$ года в больнице—мы имеем такое чередование, но после того им была перенесена острая мания, чередование прекратилось и перешло в хроническое маниакальное, вернее, гипоманиакаль-

ное состояние, время от времени обострявшееся острыми приступами с длительностью около 3—4 недель.

Мы должны признать, поэтому, у него смешанную форму психоза, которая базируется на маниакально-депрессивной конституции. Такого рода конституция предрасполагала его как к приступам маниакального характера (описанным выше), так к приступам депрессивного характера. Но, повидимому, депрессивный компонент не играл столь доминирующей роли, как маниакальный.

Депрессивные состояния у Майера можно проследить еще с детства, когда у него были периоды апатии, замкнутости, неохота к играм и учению. В период юности и студенчества эти депрессии выступали более определенно.

Так, выше мы приводили, как он, будучи студентом, был заключен в карцер, где впал в депрессивное состояние, отказывался от пищи и врач констатировал у него, если не душевную болезнь, то, по его определению, состояние, близкое к этому, на основании чего ему карцер заменили домашним арестом. Точно также во время морского путешествия в голландские колонии он, судя по записям его дневника, находился в депрессивном состоянии вначале, а потом, повидимому, на обратном пути, он заболел резко выраженным маниакальным возбуждением. Впоследствии в его жизни, когда у него маниакальные приступы все резче и резче обрисовывались, эти приступы чередовались с определенными депрессиями, во время которых он выражал идеи греховности и самобичевания, типичные для депрессии.

Вообще, если мы проследим маниакальные или гипоманиакальные приступы за весь период его жизни, то мы всегда найдем, что так или иначе они чередовались с той или иной депрессией. Только к концу его жизни он впал в хроническое гипоманиакальное состояние, где, повидимому, депрессии стали реже. Таким образом, мы имеем здесь смешанную форму маниакально-депрессивного психоза. Дифференциально-диагностически вряд ли приходится у Майера разбирать возможность какого-либо другого заболевания. Его болезненные приступы настолько типичны, что об этом не приходится и задумываться. Предполагать какие-либо психогенно-истерические элементы в его психике и течении болезни—у нас нет основания. Ни истерического характера, ни позировки, ни истерического характера смены настроения—мы не имеем. Колебания его психики имели специфическую маниакально-депрессивную основу.

в) Симптомы кумулятивные личности Роберта Майера.

Проявления кумулятивных симптомов у Майера нас интересуют прежде всего в детские и юношеские годы. Еще в гимназические годы в Heilbronn'e, где он провел до 1829 года (а потом также в Семинарии в Schönthal), он обнаружил односторонние способности. Так, например, в отношении успеваемости в языках

и словесности он был плохой ученик, и чуть не последний в классе. Зато по математике он имел хорошие отметки, а физикой он прямо увлекался и любил этот предмет больше всего. Научная атмосфера дома, эксперименты отца, впечатления детства в этой среде создавали для развития специфических заложенных комплексов наилучшие условия.

Еще ребенком он уже был знаком с физическим инструментарием лаборатории отца, он не только видел все опыты отца по механике и электричеству, но уже сам был знаком с их элементарным употреблением, а также теоретически, поскольку он мог тогда воспринимать по своему развитию. Точно также, с химией и фармацевтическими препаратами он уже был знаком; этим объясняется то, что по физике он никогда не учил уроков; он уже их знал из дому. Мало того, чтоб занять своих товарищей по школе, он придумывал и устраивал различные занимательные игры, основанные на данных физики. Так, между прочим, он сам в своей автобиографической заметке рассказывает, что будучи 9—10 летним мальчиком, когда он получил в подарок от отца книгу: Poppes «Physikalisches Jugendfreund», он под влиянием чтения этой книги начал конструировать «Perpetuum Mobile» на основании им самим придуманной комбинации колес, которые двигались водой.

Упражнения в экспериментах с этой «Perpetuum Mobile», несомненно, давали ему тренировку мысли для научно-физического мышления и для подготовки развития более глубоких комплексов мысли. Так или иначе, определенно мы знаем, что в ранней юности Роберт Майер хорошо был ориентирован в познаниях физики того времени и эта область все более и более его захватывала; что он обладал способностью наблюдения и экспериментирования, и что он очень рано мог самостоятельно заниматься проблемами физики как с теоретической, так и практической стороны.

Еще с ранних лет за Майером была отмечена особенность его интеллекта, которую он проявлял при разговоре или в речи, когда он развивал какую-либо идею или тему. Чрезвычайно бурный наплыв идей, заставлявших его быстро перескакивать с одной мысли на другую. Благодаря этому мысль его в своем развитии доходила до крайних пределов. С другой стороны отмечаются совершенно противоположные особенности. Там, где нужно было отвечать в школе на уроках на заданные вопросы, он обнаруживал, несмотря на чрезвычайно живой мыслительный аппарат и «острый язык» необычайную растерянность и рассеянность. Из этого мы можем заключить, что Майер обладал еще с юности из нормы выходящей особенностью дарования, которое мы наблюдаем часто у даровитых школьников, благодаря чему они попадают в разряд «дефективных». А именно там, где ему полагалось знать по «учебному плану», по школьным заданиям—он плохой ученик, там же, где он был предоставлен самому себе, естественному развитию своих кумулятивных симптомов—там продуктив-

ность его необычайна и выходит за рамки обычного. Мы уже указывали выше, что в придумывании игр Майер был мастер, причем игры носили характер научного творчества, т. е. применялись знания физики, нечто вроде современной «занимательной физики». Этим, вероятно, и объясняется склонность (и позже, когда он был студентом) ко всяким играм, ибо он был отличный игрок на бильярде, в шахматы, в вист и проч.

В университетские годы его интересы были направлены к изучению биологии и медицины. Анатомию, например, он слушает не менее как 6 раз. Любовь к экспериментированию продолжается и здесь, когда предметом изучения Майера сделался живой организм. Rumelin свидетельствует, что он однажды, будучи на клинических семестрах, сам себе делал ожоги на руках много раз в целях эксперимента, причем каждый ожог он залечивал по другой методе, и вообще, говорит про него Rumelin, «он тогда слыл человеком оригинальным, даже для тех, которые его близко не знали, и про него ходили правдивые и фальшивые анекдоты». Майер выдержал экзамены в 1838 году, т. е. 26 лет от роду, а в 1839 он выдержал государственный экзамен. Из этих данных мы видим, что интеллектуальный интерес Майера сосредоточивался в определенном направлении, а именно—область эксперимента над физическими и физиологическими явлениями; когда Майер отправился в морское путешествие в одну из голландских колоний, он обеспечил себя достаточным количеством книг, но главный интерес сосредоточивался на книге: физиология Иоганна Миллера.

Если мы теперь подведем итоги всему тому, что Майер получил гипостатически в отношении кумулятивных данных к моменту его великого открытия, то все это сводится к следующему:

1. Гипостатическое ядро философско-теоретических склонностей: склонность к спекулятивным обобщениям Майер получил от деда и отца.

2. Гипостатическое ядро экспериментатора: склонность к экспериментированию над явлениями природы он получил от отца, научного диллетанта—экспериментатора.

3. Кумуляция этих склонностей у Роберта Майера в детстве и юности происходила под непосредственным влиянием семейной среды (отец, братья, занимавшиеся научными экспериментами), а также влияние научной среды средней и высшей школы.

Игры Майера (устройство *Perpetuum Mobile*, а также игры, имевшие в основе разрешение тех или иных физических задач) приобретают особенное значение при изучении развития и кумуляции творческих комплексов. Остановимся поэтому на детских играх Роберта Майера несколько подробнее.

Игры детей—есть проявление кумуляции творческих комплексов. У детей (будущих великих и замечательных людей) с такими богато заложенными комплексами особенно ярко сказывается это в определенном выборе игр. По этим играм мы должны судить о степени и характере наследственной кумуляции. В играх

отражается архаически-примитивная установка творчества. У высоко одаренных детей в этих играх скрывается зародыш того творческого комплекса, который затем развивается в зрелое творчество гения (Вспомним пристрастие в играх Дарвина к собакам и животными, за что он подвергался осуждению со стороны отца, который считал позором его семья такую страсть Дарвина к животным. Впоследствии из этих игр развилось все творчество Дарвина.). Игры одаренного ребенка—есть один из этапов кумуляции при переходе от филогенетического творческого зародыша к онтогенетическому.

И именно в Роберте Майре замечательно то, что эти этапы кумуляции определенного творческого комплекса можно психоаналитически проследить с самого раннего детства с момента увлечения играми. В этом раннем детстве мы видим, как его внимание в играх притягивается больше всего к тем явлениям природы, которые обуславливаются законами физики и механики. На берегу реки его родного гнезда его внимание приковывают больше всего вертящиеся колеса мельницы и те силы, которые приводят их в движение. Но это простое созерцание механизма мельницы его не удовлетворяет. Эвриактивность скрытого комплекса экспериментатора гонит его к действию, к активности. 9-ти летним мальчиком (как он сам признавался) он уже активно занимается проблемой конструирования такого механизма, благодаря которому громадные мельничные колеса должны быть приведены в постоянное движение маленьким колесом, приводимым в свою очередь в движение бесконечными винтовыми движениями, и чтоб регулировать скорость движения он придумывает целую систему зубчатых полес. Конечно он, вскоре убеждается под влиянием ли прочитанной им книги по физике, подаренной ему отцом, или же, что всего вероятнее, объяснениями его отца, что создание такого вечного двигателя невозможно, ибо там, где выигрывается в силе, теряется во времени, т. е. кажущийся выигрыш какой-либо энергии идет за счет другой энергии и что вечный двигатель основан на ошибочных представлениях законов механики.

Таким образом, архаически примитивная попытка творческого комплекса реализоваться в конкретное творчество наталкивается на реальное препятствие. Тезис архаического мышления: «вечный двигатель может быть построен», наталкивается на антитезис реального мышления реальных знаний: «вечный двигатель построить невозможно, ибо это противоречит законам механики». Кумуляция творческих сил переходит во 2-ю фазу своего развития.

Если весь комплекс его творческих тенденций наткнулся на невозможность реализации примитивных творческих сил, то это не значит, что эта тенденция остановилась. Она с этого момента принимает другой оборот, с момента нового этапа развития кумулятивные силы еще больше мобилизуются и перестраивают свои ряды для новой атаки. В том то вся сила кумулятивной

работы гипостатической сферы, гениально-одаренной личности и заключается, что там, где эти силы наталкиваются на препятствие, она не уничтожает эти творческие силы, а раздражает к еще большей кумуляции и эвроактивности, используя это же препятствие для диалектического развития. Вышеупомянутый комплекс тезиса и антагонистический комплекс антитезиса готовят создание нового творческого комплекса, который бы синтезировал эти 2 противоречия в новую фазу—3-й этап творчества.

После длительной инкубации многих лет, после длительного накопления соответствующего опыта, этот творческий синтез 3-го последнего этапа: закон сохранения энергии строится под сознательным кумулятивным опытом таким образом:

1 этап—создание вечного двигателя возможно.

2 этап—создание вечного двигателя невозможно.
(невозможно ни создать новый вид энергии, ни уничтожить энергию).

3 этап следовательно, энергия всегда сохраняется, но переходит из одного вида в другой.

Но для прохождения всех этих 3-х этапов подсознательной кумуляции и развития творческих сил Майеру необходим был промежуток времени от 9 лет до 26 летнего возраста. Лишь на 26 году в момент творческого приступа оформился этот 3-й синтетический этап как сознательно оформленная идея.

Гипостатическая сфера до этого приступа в течение многих лет кумуляции сил стягивала, подобно магниту, все те знания и влияния среды, которые бы содействовали организации синтетического комплекса. Когда этот комплекс настолько созрел, что уже готов оформиться в нечто конкретное, тогда незначительного внешнего раздражения достаточно, чтоб спровоцировать выявление этого комплекса. Одна капля жидкости в наполненном сосуде с жидкостью переливает эту жидкость через край. Яблоко, упавшее с дерева, послужило тем раздражителем, который завершил процесс кумуляции в подсознательной сфере Ньютона и тем спровоцировало открытие великого закона Ньютона. Качание ветром лампадки в соборе гор. Пизы спровоцировало у Галилея закон маятника. Такой же провокационный момент для сознательного оформления закона, открытого Майером—необходим был ему для того, чтоб осознать это оформление как великий закон сохранения энергии.

Период морского путешествия благоприятствовал этому. Появились новые впечатления и новые раздражители—путешествие по незнакомым местам, в новых условиях. Для скрыто заложенных гипостатических комплексов, созревших для творческого оформления—всякий новый внешний раздражитель служит оплодотворяющим моментом. Появляются сначала смутно сознаваемые аналогии. Мысль Майера толкает эти аналогии в определенном направлении и ждет своего случая, чтоб какое

нибудь новое явление или впечатление помогло конкретизировать эту смутную аналогию в нечто более ясное и реальное. Вскоре появились два момента, давшие для этого толчок.

Когда однажды Майер, во время путешествия, узнает у старого моряка, что вода при шторме на море делается теплее, нежели вода в покойном состоянии моря,—это поражает его и захватывает настолько, что делается центром его подсознательной работы. Неорганизованные комплексы будущего творческого момента начинают концентрироваться, стягиваться, мобилизоваться в нечто целое, организованное,—и готовятся к активному своему выявлению. Конкретное явление природы подкрепило идеи Майера.

Другой момент, давший толчок к открытию им великого закона, было следующее наблюдение Майера. Когда однажды на рейде в Батавии, несколько дней спустя после прибытия, среди матросов вспыхнула эпидемия гриппа, Майер широко стал применять кровопускание (тогда применявшееся при всяких заболеваниях). К удивлению Майера он наблюдал тогда, что выпущенная венозная кровь вследствие своей необычайной яркости (ярко-розового цвета) не была похожа по окраске на венозную, а на артериальную настолько, что он по этому ярко-розовому цвету думал, что он ошибся и вместо вены попал в артерию. Это обстоятельство настолько его поразило, настолько его травмировало, что все впечатления тропической природы, со всеми красотами и необычайными явлениями—прошли безо всякого следа мимо его внимания (письмо к Griesinger'у от 16 июня 1844 г.). Это то и послужило той каплей, тем толчком для творческого приступа рождения великой идеи. В это время, как сам Майер говорил, он переживал нечто необычайное. Он замкнулся в своих переживаниях, не выходя даже на берег и почувствовал себя настолько «инспирированным», что никогда в жизни ни до, ни после он ничего подобного не переживал. Произошли «творческие роды» великой идеи. Красота этой идеи, «плод» рождения великого закона, затмили у Майера даже потребность любоваться красотами никогда им невиданной тропической природы. Тут Майер пережил тот творческий приступ, который сам Майер определил как *Gedakenbli tsize*. Объяснение этому необычайному явлению он дает следующее. Разница в яркости окраски артериальной и венозной крови при равных прочих условиях тем будет меньше, чем температура внешняя будет приближаться к температуре тела, resp. чем меньше потребление телом кислорода (bzw, чем меньше в организме процессов горения).

Вышеприведенное наблюдение Майера и его мысли, объясняющие это явление—явились исходным пунктом его дальнейших идей.

С этого момента начинается развитие творческих идей Майера, которые его уже не оставляли во все светлые периоды его существования. По возвращении домой Майер формулировал свои основные идеи в статье «Ueber die Quantitative und Qualitative

Bestimmung der Kräfte», где главным образом была высказана основная мысль, что формы энергии природы не пропадают и не разрушаются, а превращаются в другие формы, т. е. принцип сохранения энергии им сформулирован в определенном законе природы. Однако, Майеру необходимо было этот закон обосновать, для этого он консультировал специалистов по математике и физике, и проштудировал все, что ему нужно было для теоретического обоснования; он снова излагает в другой работе свои идеи, а именно в статье: «Bemerkungen über die Kräfte der unbelebten Natur», где он подчеркивает, что в природе существует единая неразрушимая энергия, которая есть постоянная причина вечного превращения в различные формы энергии, как живой, так и неживой природы.

С. Психо-механизм творческого приступа у Майера и симптоматология этого приступа.

В предыдущей главе мы видели, как этапами кумулируется творческий комплекс, который в один прекрасный день рождается как идея великого закона естествознания. Наивно было бы думать, что такие идеи рождаются случайно (как это думают многие, в особенности, относительно творчества научных идей). В природе нет ничего случайного. Только оформление такой идеи в нашем аппарате сознания кажется случайным потому, что иногда ничтожный с виду факт (как, напр., падение яблока с дерева—у Ньютона) своей аналогией с глубоко сидящим в подсознательной сфере творческим комплексом, выталкивает на поверхность сознания этот комплекс как нечто случайное. На самом деле этот «вытащенный» наружу «плод» долго созрел в недрах гипостатической сферы незаметно для самого создавшего, а внезапное появление на поверхность сознания дало повод многим пережившим эти «внезапные роды» объяснять случайностью.

Однако, при анализе и изучении этих моментов мы найдем, что эти «роды» имеют свои механизмы. В этой главе мы осветим вопрос о том, какой был у Роберта Майера психомеханизм его творческих приступов. В сущности говоря, мы можем говорить у Майера об одном творческом приступе, в момент которого родилась идея закона сохранения энергии, ибо все, что создавал Майер после этого, было лишь сознательной обработкой этой основной идеи. Идея эта возникла, как мы видели выше, во время путешествия на пароходе и в то время, когда депрессия перешла в маниакальный приступ (повидимому, первый в его жизни). Об этом переживании сам Майер говорит, что он ничего подобного в своей жизни не переживал, и что он чувствовал себя «инспирированным» в это время. Следовательно, Майер переживал какое-то состояние, необычное даже среди тех гипоманиакальных переживаний, которые ему были свойственны конституционально.

Рождение своей великой идеи в эти моменты Майер называл «Blitzgedanken», что по русски в вольном переводе означает

вспышки идей, подобные вспышкам молнии. Это признание тем более ценно для исследователя, что это говорит о себе, во первых, Майер, как врач-естественник, который далек от каких-бы то ни было «фантазий» для объяснения своих переживаний, свойственных скорее поэтам и художникам. (Тем более Майер, который далек был к какому бы то ни было поэтическому или художественному вымыслу или творчеству. Огмечается многими авторами, что для искусства у него не было никакого чутья).

Майер был строгий реалист в оценке своих переживаний. Во вторых, эти самопризнания есть самопризнания человека, который и без того привык к аномальным переживаниям его гипоманиакальной конституции. Несмотря на это, он квалифицирует свои переживания в эти моменты как особенные моменты, которые он никогда не переживал; он чувствовал себя «инспирированным» для того, чтоб переживать эти «Blitzgedanken». Вряд-ли бы так Майер подчеркивал эти переживания, описывая их как «особенные», если они были обычными гипоманиакальными переживаниями. Все это свидетельствует о том, что Майер пережил такое состояние, которое характеризует некий психомеханизм творческого приступа, имеющего свои закономерности и свою симптоматику, отличающуюся от других переживаний. Какое же это переживание, которое пережил Майер и что за творческий психомеханизм он мог пережить при этом?

Состояние, которое было пережито Майером во время творческого приступа (т. е. в тот момент, когда кумулированный комплекс по завершении всех этапов развития, выплыл в сознании Майера как творческая идея) с формальной стороны было ни что иное, как состояние м а н и а к а л ь н о й г и п е р м н е з и и — или иначе: обострение психических функций гипермнестического характера, выплывшее на фоне гипоманиакального аппарата сознания.

О гипермнезиях вообще была речь на страницах этого «Архива» неоднократно (см. общая симптоматология эвроактивных приступов «Жл. Арх. Ген. и Одар» вып. 1 т. 2-й).

Мы там указывали на гипермнезию как на механизм обострения психических свойств человека, и что эти формы и механизм обострения свойственны целому ряду переживаний. в первую очередь, эпилептической гипермнезии (о чем была речь особо в статье—Симптоматология творческих приступов у эпилептиков «Жл. Арх. Ген. и Одар.» вып. 2-й, т. III за 1927 г.). Здесь идет речь, следовательно, о м а н и а к а л ь н о й г и п е р м н е з и и, имевшей место у Роберта Майера в момент его открытия.

Маниакальная гипермнезия, несмотря на большое сходство с эпилептической гипермнезией, имеет свои особенности и свой собственный колорит в своих проявлениях как с внешней стороны формальной, так и со стороны содержания этого переживания.

Внешне формально маниакальная гипермнезия рождается, так сказать, на лоне маниакального приступа (как и в данном

случае у Майера п е р и о д и ч е с к и наступающего приступа). Маниакальный экстаз с необычайно быстрой и обостренной работой ассоциативного аппарата, дает возможность при наличии готово кумулированных комплексов быстро мобилизовать «идеи», нужные для данной задачи. Однако, идеи и образы сохраняют свою реальность и этим отличаются от аналогичных эпилептических переживаний, где идеи, образы, так сгущаются и теряют свой реальный характер и переходят в нечто абстрагированное, «космическое», вследствие чего эпилептику достаточно «секунды», «одного мига» молниеносного обострения, чтоб получить желаемое. Маниакальная гипермнезия оперирует в пределах реального человеческого мышления, но в 10 раз скорее, чем обычно. Правда, мы не можем измерить это время, но чувство времени не утрачено, несмотря на калейдоскопичность и на необычайную быстроту. У эпилептика гипермнезия теряет представление и чувство времени, так 5 секунд могут быть эквивалентными громадным отрезкам времени, т. е. выходят из нормальных рамок чувства времени, вследствие чего гипермнезия всегда носит характер абстрактности, контекстности. У маниаков гипермнезия переживается в пределах реального, возможного (сверхординарного, но конкретного). Эпилептик не переносит этого сложного большого напряжения, несмотря на то, что переживает и «высшее блаженство» и боится, что исходом будет уничтожение и смерть. Маниак не только не переносит, он чувствует, что для него высшее «блаженство» и не боится его. Однако, маниакальная гипермнезия имеет также свою скалу «обострения», где имеются в крайних своих пределах свои Blitzgedanken и Blitzkomplexen, но в пределах реальных возможностей. Вот почему комплексы маниака дают всегда реальные результаты, касаются реальной жизни и реальных отношений. И недаром гипоманиаки имеют славу наиболее частых изобретателей, поэтов и пр. В то время, как про эпилептиков этого сказать нельзя, ибо их творчество, выражаясь философским термином «трансцендентно», сверхобычно, «метафизично».

Вследствие этого творчество гипоманиаков, т. е. вернее продукт творчества—произведение—никогда не имеет патологических черт. Оно всегда слывет за «здоровое» творчество. Сам «плод» «творческих родов» не подвергается патологической травматизации и патологическому влиянию. Это наиболее «нормальные роды», чем в других механизмах (например, эпилептических, пизофренических и пр.)

Самый типичный и яркий представитель гипоманиакального творчества—Гете, в своих произведениях может быть поставлен как образец «здорового творчества», потому что в его произведениях действительно нет ничего патологического, несмотря на то, что самый механизм его творческих приступов имеет диссоциативные элементы эвропатологической структуры (т. е. имеет тот патологический фактор, который всегда сопровождает творческие приступы).

Итак, резюмируя все предыдущее, сказанное о механизме творческого приступа у Роберта Майера, мы видим, что механизм этот сопровождается следующими симптомами:

а) Диссоциативные симптомы приступа (симптомы „механизма родов“).

1. Гипоманиакальное состояние является той конституциональной основой, которая создает почву для всех последующих симптомов, характеризующих психомеханизм творческого приступа у Майера.

2. В одном из таких состояний Майер однажды переживает маниакальную гипермнезию, которая, главным образом, касается интеллектуальных функций и способностей.

3. Переживание это характеризуется чувством одержимости, как будто внедряется посторонняя сила—(«я чувствовал себя инспирированным», говорил он).

4. Появление этого переживания характеризуется своей внезапностью и неожиданностью, что дает основание сравнивать это переживание с «Blitzgedanken» (т. е. как молниеобразные обострения мысли или просветления интеллекта).

5. Эмоционально это состояние переживается, как необычайное «чувство счастья», как необычайный экстаз, после чего появляется чувство сожаления об утраченном переживании.

в) Кумулятивные симптомы приступа (симптомы „плода“)

6. В момент такого гипермнестического механизма обострения «вылупляется» творческая идея (вернее творческий комплекс) закона сохранения энергии в виде вышеупомянутого «Blitzgedanken».

7. Комплекс этот не явился в аппарате сознания как «случайная идея», а подготовлялся длительно много лет, кумулировался от одного этапа к другому как подсознательная работа, пока не выкристаллизовался синтетически в творческий комплекс.

8. Творческий комплекс зародился от архаически-примитивного комплекса возможности построить Perpetuum Mobile и прошедши через антитезу невозможности реализовать этот комплекс, кумулировался в синтетическую идею закона сохранения энергии.

9. Непосредственным внешним раздражителем, давшим толчок для начала «вылупления» творческой идеи (толчок для начала «родов») послужил момент появления ярко-красного цвета крови (вместо темного) из вены во время кровопускания.

10. Сам по себе творческий комплекс, творческая идея Майера, «рожденная» в таком механизме и при вышеупомянутых

диссоциативных симптомах, не имеет в себе ничего патологического.

12. За всю свою жизнь Роберт пережил один только творческий приступ, давший европозитивные результаты. Всю остальную жизнь он имел только эвронегативные приступы, не давшие ничего творческого. Однажды рожденная идея закона сохранения энергии была предметом его сознательной обработки и научного обоснования во всю его жизнь.

Эвропатологическая характеристика гениальности Роберта Майера.

Изучивши эвропатологические особенности личности Роберта Майера и его творческий психомеханизм, сделаем на основании этого его общую характеристику. Прежде всего, к какой группе (или вернее, к какому типу) гениальных людей принадлежит Майер согласно эвропатологической классификации.

Эвропатологически мы должны классифицировать типы гениальности по характеру входящего в данную личность диссоциативного компонента. Диссоциативный компонент, как мы неоднократно имели случай убедиться, обуславливает структуру личности, его симптоматику, его психомеханизм творческих приступов. Если мы имеем диссоциативный компонент эпилептическим, то, естественно, мы будем иметь другую совершенно личность, нежели, скажем, личность с диссоциативным компонентом шизофреническим.

В случае Роберта Майера мы имеем диссоциативным компонентом маниакально-депрессивное состояние; следовательно, мы должны причислить его к группе маниакально-депрессивной гениальности или иначе, к группе гениальных циклофреников, где доминирующее эвропатологическое значение имеет маниакальная фаза (в отличие от других гениальных циклофреников, где эвропатологически доминирующее значение имеет депрессивная фаза).

Как гениальный циклофреник Роберт Майер имеет еще следующие типовые особенности. В развитии маниакально-депрессивного состояния европозитивное значение имели не сами маниакальные приступы, а гипоманиакальные состояния.

Сами по себе маниакальные состояния скорее протекали эвронегативно, в особенности годы 1851-53.

Далее, эвропатологической особенностью Майера было то, что первый маниакальный приступ (повидимому, самый легкий) был единственным европозитивным, ибо при этом приступе выявилась творческая идея Майера. Все последующее, что сделал Майер, было лишь развитием этой основной идеи.

Таким образом, можно сказать, что Майер принадлежит к типу гениальных людей с односторонним развитием кумуля-

тивных симптомов. Майера всю жизнь занимала лишь одна основная идея закона сохранения энергии и эквивалентные превращения этой энергии. Это одностороннее развитие одной идеи дало повод некоторым авторам предполагать параноический характер этой идеи. Однако, такую возможность предполагать нет основания. В содержании его кумулятивных симптомов нет ничего патологического, наоборот, идеи и творчество Майера находятся в пределах реального мышления. Психомеханизм самого творческого приступа характеризуется как приступ маниакальной гипермнезии.

ЛИТЕРАТУРА

- J. J. Weyrauch.** Kleinere Schriften und Briefe von Robert Mayer nebst Mitteilungen aus seinem Leben. Stuttgart 1893.
- J. J. Weyrauch.** Die Mechanik der Wärme und gesamte Schriften von R. Mayer. Stuttgart 1893.
- G. Rümelin.** Reden und Aufsätze. Neue Folge. Freiburg und Tübingen 1881.
- D-r Jentsch.** Julius Robert Meyer Verl. J. Springer, Berlin 1914.

Искусство современной эпохи в свете психопатологии.

Д—ра В. С. ГРИНЕВИЧА.

*(Доклад 20/XI-27 г. в Психо-Неврологической подсекции
Общ. Естеств. и врач. при Смол. Гос. У-тите).*

Выясняя проблемы творчества, гениальности и одаренности (эвропатологии), психиатры давно уже изучали художественные произведения, творческие процессы и личности самих художников, но изучение это шло преимущественно конституционально-биологическим путем, между тем как форма, содержание и характер творчества художника обуславливаются не только конституциональными особенностями или развитием того или иного болезненного состояния, а прежде всего экзогенным влиянием окружающей среды, так как искусство прямо и косвенно отражает жизнь людей данной эпохи, данного периода, которые делают и переживают события.

И вот это то влияние «социального духа» эпохи на характер творчества и представляет большой интерес для психиатра. Но работ, касающихся психологии творчества того или иного исторического периода почти нет, прежде всего уже, очевидно, потому, что не выработаны правильные методы подхода к такому изучению. Для некоторых немецких авторов таким методическим способом является биологическое учение Кречмера. Разделив все человечество на шизотимиков и циклотимиков, Кречмер и художественное творчество группирует на шизотимический и циклотимический виды искусств.

Художники-шизотимики, любители формы и стиля, тонко чувствующие мечтатели, далекие от мира идеалисты, романтики, сентиментальные идиллики, трагические патетики, т.е. склонные к сверхчувственному и ирреальному, противопоставляются художникам-циклотимикам, растворяющимся в окружающей действительности, открытым, общительным, добросердечным и непосредственным, по художественному методу реалистам и душевно-сердечным юмористам.

Развивая учение Кречмера, Scheffner в своей работе «Geist der Gotik», говорит о «готическом» искусстве с преобладанием шизотимических черт и об искусстве «греческом» с чертами циклотимическими.

Прерывистость, жесткая формалистика, стремление к выразительности, выдвигание составляющих частей, неуравновешенность, рядом с совершенным игнорированием чувства формы—это шизотимические элементы «готического» стиля, в противоположность спокойствию, равновесию и влечению по «закону красоты» к содержанию—чертам циклотимического «греческого» мира. История искусств по Scheffner'у характеризуется чередованием этих стилей.

Высокая и поздняя готика, Барокко, являются с этой точки зрения шизотимическими эпохами искусства, ренессанс и классицизм повторяют в существенном циклотимический характер греческого мира.

Эпохи рождения и заката культуры несут готически-шизотимические черты, время расцвета характеризуется гречески-циклотимическим искусством.

О социально-историческом фундаменте этих явлений говорит проф. А. И. Ющенко (Лекции по психиатрии, ч. II, 1923 г.).

В период наибольшей гармонии между личностью и обществом (время расцвета и господства того класса, выразителем которого является литература) искусство даст великие образцы стройности, красоты, гармонии. В эпохи переходные, когда такой гармонии нет, уродливое, ужасное, страх, мистицизм, гессимизм дают удовлетворение колеблющимся, неустойчивым, гибнущим, дегенератам, психопатам и формально душевнобольным.

Поэтому то представляет величайший интерес для психопатолога изучение искусства современной нам эпохи, эпохи несомненно переходной, эпохи классовых перегруппировок и глубочайшего переворота истории.

Эта эпоха во всех странах Европы началась под знаком упадка импрессионизма и декадентства (включая в последнее понятие символизм, мистицизм и литературный гедонизм) и проходит под знаком «бунта» в искусстве, характеризующегося гл. обр. возникновением многочисленных «измов».

В Западной Европе господствуют кубисты, экспрессионисты, симультанисты, футуристы, нео-примитивисты, тактилисты, садаисты, хаптисты, пуристы, стеклянная и бильдархитектура и т. д. Те же футуристы, экспрессионисты, но и еще имажинисты, центрофугисты, люминисты, эвфонисты, биокосмисты, фуисты, господствуют над довольно пустынным полем искусства первых годов русской революции.

Думая очень мало о содержании творчества, все эти многочисленные «исты» специализировались на чисто внешней стороне создаваемого ими нового стиля искусства и потому то творчество их прежде всего «ирреально»—их бегство от содержания к форме с психологической стороны является бегством от реальной действительности, от жизни, от внешнего мира, которое

отражает это содержание в сторону формальных тенденций собственного душевного аппарата, углублением и «ухудшем в себя», в свое «Я».

Это явление, носящее в психопатологии название «аутизма» (Блейлер)—симптом шизоидной психики—является знаменем всего современного искусства.

Различны только способы, при помощи которых современный художник стремится уйти от внешнего мира—это или бездушный формализм, или лирика или романтика. У лирика всегда контраст между лирически мечтающим «Я» и внешним миром. Романтик, по Кречмеру, это аутист без борьбы ухудшающийся в мир фантазии и мы видим, как бегут т. н. крестьянские поэты—Клюев, Есенин, Орешин от социализма в Китеж-град, в Испанию, из реально существующей России республики страны Советов в созданный ими фантастический, малоподвижный, замкнутый мир мужицкой, богомольной, избянской, канонской Руси.

Гой, ты Русь, моя родная,
Хаты, в ризах образа,
Не видать конца и края
Только синь сосет глаза.
Пахнет яблоком и медом,
По церквам твой кроткий спас
И гудит за хороводом
На лугах веселый пляс.

Пишет Есенин. Покой, заколдованная неподвижность, сусальная сказочность в мужицком царстве Клюева (Троцкий).

Золотые деревья,
Свесят гроздьями созвучья.
Алконостасами слова
Порассядутся на сучья
(Медный Кит).

Революция преломляется в романическом воображении крестьянских поэтов как бунт, стихия. Этот подход к революции вообще характерен для русских писателей-романтиков. Революция—это Разинский и Пугачевский бунт для Клюева, для Есенина, возмущенная стихия для Блока: «ветер, ветер на всем боже ем свете», мятель—для Пастернака В. Иванов почти не поднимается над крестьянской стихией (Троцкий). Стихия, вихрь, пламя, мятель, водоворот вот что представляет революция для шизоида—аутиста с пламенным романтическим воображением.

Еще аутичнее, еще глубже, чем романтики и лирики, порывают связи с внешним миром все эти перечисленные выше экспрессионисты, имажинисты и прочие «исты».

Wolfer Loure в недавней своей работе «Mystisches Denken, geistes-Krankheit und moderne Kunst». Кречмер в своей «Medizinische Psychologie» правильно отмечают, что современные художники возвращаются к архаически-примитивному дологи-

ческому способу мышления, свойственному дикарям и душевно больным шизофреникам. Ту-же особенность отметил и я, говоря, об имажинистах, в своей работе о Есенине (Арх. Эвроп.; т. III, вып. 1-й).

Абстрактных понятий у дикаря нет, логические связи слабы, его мышление распадается на асинтактический ряд образов, имеющих более чувственный и менее предметный характер— это скорее комплексы ощущений, соединяющихся в изменчивые и текучие картины. Таким же примитивным, чувственным и разорванным на ряд асинтактических образов бывает и мышление шизофреников, у которых, вследствие разрушения высших «логических» аппаратов, всплывают наверх механизмы, свойственные архаически-примитивному мышлению.

К этой же дикой, бессвязной, образности стремятся многие современные художники.

Вот произведения имажиниста Мариенгофа:

Утро облаков паруса
месяца голову русую
в лучей головни.

Город языками улиц в небо тарелку,
а я в блюдцах зрачков ненависти ланцет
всем поголовно

Как воздуху человеческого мяса полтора фунта!

В восстаний венца
с факелом бунта
с двенадцати на двенадцать на часах
справедливости стрелки.

Здесь «дологическое мышление», здесь ряд образов разрозненных, несвязанных друг с другом, асинтактических. Современные деятели искусства пользуются этим видом мышления и стремятся к нему. На западе к этой дикарской примитивности в изображении своих чувств, к искусству негров, древнего Египта, к искусству христианских мастеров II—VI-го века, стремится целая школа, которая называет себя «нео-примитивизмом». У нас в СССР имажинист Шершеневич пишет: «Соединение отдельных образов в стихотворение есть механическая работа, а не органическая... стихотворение не организм, а каталог образов... Образ свободен от логики и смысла».

Порой стихотворение превращается в ряд звуков:

«Бетя... Беля
Незве, меня эйла
не ейу и нас
Эйла лала эйля, ли у-у лия-я
Лиеное уска»..

Совершенно справедливо в этом стихотворении поэта Крученых под названием «Надгробное слово», проф. А. И. Ющенко усматривает атавизм, первобытный человек также выражал свои переживания.

А вот такое же произведение современного юго-славского поэта Любомира Мичича:

tABA
TaVu tabu mimemamo tabu
tABA
Tabu ABu TaVu aVu TaVu
bu tAbbu
Tabu
aVu tabu (popokatepete)
ABu (popopo) Tabu (kakaka)
abua, abuu, abuE, abue....

Нет смысла, а только первобытные звуки.

В картинах художников экспрессионистов и футуристов почти постоянно можно встретить ту же ассинтактичность в беспорядке лежащих поперек друг друга частей образов. Примером может служить картина Карло Карро «Власть улицы», приводимая Кречмером в «Med. psych.» Экспрессионистические, архаически-примитивные тенденции в музыке проявились в т. н. «шуме органически несвязанных звуков», которые очень походят на отражение диких чувств ритмически кричащего дикаря или на монотонную примитивную музыку древних танцев—из музыкальных направлений выдвинулся на Западе бруитизм, музыка исполняемая оркестром из пишущих и швейных машин, гудков, моторов и т. д. и Jazz—Band, исполняемый неграми на всевозможных инструментах—барабанах, треугольниках, литаврах и т. д. с включением и человеческих голосов. Нет, ритм и порядок диктуются большим барабаном или контрфаготом, которые являются настоящими капельмейстерами этой первобытной музыки.

Далее в современном творчестве мы часто встречаем то, что в психологии понятий носит название «агглютинации образов» их «сгущения» и «вытеснения» (Verdichtungen und Verschiebungen—Freud)—явлений, свойственных также дикарю и душевно-больным.

Образование новых понятий у дикарей идет путем спайвания образов, их агглютинации, т. напр. понятие «грифель» склеивается из понятий «камень—царапать—что-нибудь», гвоздь из понятий «железо—голова—широкий». Поэтому то в мифологии древних египтян, греков, индусов и позднее, средневековья, мы и встречаем в избытке подобные спаянные или сжатые образы—центавров, фавнов, ангелов и грифов. Порой формы человека и животного, льва и орла, животного и растения самым теснейшим образом переплетены друг с другом. В творчестве душевно-больных, в их галлюцинациях можно много найти примеров такого рода «сгущений» (Verdichtungen)—зачастую галлюцинации состоят из сгущенных образов многочисленных животных.

Примеры, такого рода агглютинации образов часто можно встретить в современном искусстве. Картина Е. Шеффнер «Профессор», помещенная в той-же «Med. psych.» Кречмера может служить хорошей иллюстрацией такого рода «сгущений». Здесь образ профессора представлен через сгущение стилизованного стеклянного бокала, элегантного салонного болтуна и головы овцы или рогатого скота. Такое склеивание образов в речи, с образованием новых слов—«неологизмов» является характерной чертой шизофрении, как душевной болезни.

Произведения современных футуристов полны этими «неологизмами»:

Немотичей и немичей
Зовет взыскующий сущел.
Но новым грохотом мечей
ему ответил буду цел.
Сумнотичей и грустителей
Зовет рыдайственный желел.
Зато, что некогда свистели
В свинце отсутствует сулел.

Это из произведения главы русских кубо-футуристов, Хлебникова, которого называли современным Пушкиным.

А вот построенное на тех же неологизмах произведение душевно-больного, страдающего шизофренией, которое приводит проф. А. И. Ющенко:

Поют te deum laudamus народники преторики
И колокольно взмонившись кущаются панихид,
Митинго черти прыгают, кусаются историки,
А колыбелью пахнется над вечностью мехнид.

«Вы согласитесь, говорит проф. Ющенко, что эти стихи, характерные для шизофренической диссоциации личности, не уступают в оригинальности и талантливости произведениям многих современных поэтов».

Одной из главных особенностей современного искусства является склонность к стилизации. Это аутистический механизм бегущего от внешнего мира художника, который в стилизации находит некоторое примирение, компромисс с внешним миром, искажая воспринятые из этого мира образы, согласно своим собственным душевным тенденциям, втискивая эти образы в определенные стилизационные рамки, диктуемые особенностями аутистической психики самого художника.

Эту стилизацию, заключающуюся в кататимическом выделении существенного, т. е. аффективно более говорящего, в упрощении формы к простым геометрическим фигурам и в повторении формы в виде двухсторонней симметрии или многократном орнаментальном можно встретить в рисунках первобытных народов и в произведениях душевно-больных.

Шизофреник, пациент Кречмера, говорит: «Я представляю себе все реальное в геометрической стилизации в виде треугольника, четырехугольника, круга. Все уложить в схему. Снять покров реальной действительности!».

Современные кубисты, экспрессионисты, мерзисты, как известно, именно и укладывают все в схему. Все их изображение построены из тех же элементарных геометрических фигур: треугольника, четырехугольника, куба, круга и т. д.

Это стремление к стилизации пропитывает и всю современную литературу. Из русских писателей я не говорю уж об Андрее Белом, который располагает слова зигзагами, треугольниками, колоннами, лестницами, повторяя, напр., 9 раз в колонке одно и то же слово:

- В Лондоне
- в Лондоне
- в Лондоне
- в Лондоне... и т. д.

У Пильняка часто сумбурно повторяются одни и те же лирические вставки, текст располагается типографскими уступами, а вот произведение Маяковского «Из улиц в улицу»:

У-лица
лица-у
догов
годов
рез-че
че-рез...

Здесь стилизационный механизм в виде симметричной зеркальной расстановки слогов и их повторения.

Как я уже сказал эта склонность к стилизации является механизмом шизоидным, аутистическим—в стилизованном произведении находится примирение между «Я» и «внешним миром», между фантазией и действительностью.

Чувство реальности у дикаря как и у шизофреника ослаблено. Дикарь свои чувства проецирует во внешний мир в вещи, одухотворяет природу. В громе и молнии, в дуновении ветра и свете солнца он видит деятельность добрых и злых духов—и так возникает «тервоытный анимизм». А вот произведение имажиниста С. Есенина:

Тучи с ожерёба
ржут, как сто кобыл.
Плещет надо мною
пламя красных крыл.
Небо, словно вымя,
звезды, как соцы.
Пухнет божье имя
в животе овцы.

Или:

Тучи, как озера,
месяц—рыжий гусь.
Пляшет перед взором
буйственная Русь...

Эти стихотворения дышат анимизмом дикаря.

Дикарь и шизофреник, не обладая мышлением причинным, склонны к мышлению магическому. Как в сказке у них все тотчас же делается возможным, все, что согласуется с их аффектом и желанием реализуется.

Большой представляет из себя и Сократа и профессора, принца, миллиардера, все, что когда-либо в своей жизни ему приходилось самому себе желать. Он проецирует себя, всю индивидуальность на весь мир и весь мир объединяет в себе.

То же самое говорит критик-марксист И. Моца («Искусство современной Европы», ГИЗ, 1927) о современных западных художниках:

«Для современного художника «твердая реальность» все то, что уже совершилось в его психике... новый художник и литератор проецирует свою индивидуальность на весь мир, они обобщают самого себя в космических масштабах»...

Вот несколько сравнений:

«Я—все, что существует в мире... я—бог, и вот эта картина на стене тоже я, но картина тоже бог—все одно.—Это слова душевно-больного шизофреника.

«Голод, болезни, война, голоса революции—последствия странных поступков моих: все, что жило во мне, разорвавши меня.—разлетелось по миру... пролетки, трамваи, потоки прохожих—потоками шариков крови моей мне казались. Я вмещалось во все»... это пишет А. Белый.

А вот слова одного западно-европейского поэта: «Я уже не дерево твое (т. е. бога) и не зверь твой, не слуга и не ребенок. Я—это твой голод, твоя усталость, удар из твоих уст, боль от твоей руки».

Во всех этих примерах личность идентифицируется с богом и со всем миром.

Современные художники, как уже сказано, раздвигаются до космических пределов. Маяковский называет себя Иисусом Христом «оплеванным голгофником» как он выражается, называет себя апостолом:

Я воспевающий машину и Англию
может быть просто
В самом обыкновенном евангелии
тринадцатый апостол.

С историей он за панибрата, с революцией на-ты, на бога бросается с сапожным ножом.

Современный западный художник утверждает, что существование жизни (или мира, космоса и пр.) возникает только

посредством ощущения и что таким образом человек имеет неограниченную власть над миром (И. Моца).

В целом экспрессионизм и псевдоэкспрессионизм ушли к религиозным темам. Ими была создана на Западе целая галерея экспрессионистических Христов, мучеников и др. «мистических» явлений, словно началось возрождение христианства. От такой современности экспрессионизм аутистически бежит или в полную абстракцию или к темам христианства.

Новейшая русская литература также полна мистическо-церковного содержания и оформления.

Мистицизм поглощает А. Белого.

В творчестве Есенина религиозная стихия:

Не ветры осыпают пуши
не листопад златит холмы
С голубизны незримой кущи
струятся звездные псалмы.

Или:

Пахнет вербой и смолою
синь то дремлет, то вздыхает.
У лесного аналога
воробей псалтирь читает.

Революционные песни Н. Клюева обвеяны мистикой. Он приглашает «ставить свечи мужицкому Спасу»...

Оку Спасову сумрак не нужен,
Ненавистен телец золотой;
Китеж-град, ладан Саровских сосен.
Вот наш край вожделенный, родной.

Он пишет:

Мы любим только то, чему названья нет,
Что, как полунамек, загадочностью мучит.

Орешин, говоря о свободе и борьбе, не обходится без религиозных образов:

Светлы дороги перелеска,
Святые свечи по буграм,
Горит от солнечного блеска,
Свободных граждан алый храм.

У Анны Ахматовой вся природа оцерковлена, даже озеро ей кажется церковью.

И озеро глубокое синело.
Крестителя нерукотворный храм.

Изображая Петербургскую осень, она пишет:

...воздух был совсем не наш,
а, как подарок божий, так чудесен.

«Читая «Белую стаю» Ахматовой, пишет Чуковский, я думаю уж не постриглась-ли Ахматова в монахищи».

Б. Арватов, разбирая творчество В. Брюсова по главам II) Бегство от жизни, III) Бегство от творчества, IV) Бегство от революции, приводит многочисленные примеры церковной образности поэта—стихотворения Брюсова пестрят словами: «алтарь», «крестить», «прах», «храм», «рай» и т. д. Октябрьские революционеры у поэта:

... крестят нас огненной купелью.

Даже «Левовец» Каменский пишет:

Моя песня—кадильница...

или:

Пророк—провижу грань вселен...

Мудрец—я верю тайнам чар...

Зачастую в мистицизме и церковности современного искусства проглядывают уже резко болезненные механизмы. Опять таки всплывают наверх примитивные образования и аффекты.

Религия братается с эротикой.

Здесь также, как в древних оргиастических культах первобытных народов, как у сектантов с их сплавлением в одно целое половых актов и религиозных священных церемоний, как у шизофреников, наблюдающих у самих себя силу полового возбуждения, переходящую мистическое чувство просветления, единения с богом (Кречмер), так и здесь у современных писателей и художников религиозно-эротические чувства сплавляются в одно целое.

Картина Георга Матей, приводимая в книге И. Моца, где написанные в кубистической форме нагие женщины, и, очевидно, мужчина держат голову Иоанна Крестителя, может служить примером такого спаяния религии с эротикой.

А вот Мариенгоф, обращаясь к Магдалине, говорит:

Еще я хочу, Магдалина,

Уюта

Никогда не мятых мужчиной

Твоих кружевных юбок.

А на стенах Страстного монастыря, когда имажинистов перестали печатать, он пишет, масляными красками при содействии Есенина и Шершеневича:

Граждане, душ

Меняйте белье исподнее!

Магдалинг, я также сегодня

Приду к тебе в чистых подштанниках.

Богородица у Клюева отдает себя за желтые боны какому-то венгру и т. д.

Я не говорю уже об эротизме, не связанном прямо с религией, непосредственно переходящем в цинизм и поглощающем многих современных писателей—явление несомненно патологическое.

Им полны не только произведения имажинистов Мариенгофа, Кусикова, Есенина, но и «Серапионовых братьев» хотя-бы

Никитина, который, по меткому выражению Троцкого, (Литерат. и Револ.), к каждому человеку подходит, точней — подбираться... снизу.

«Я чувствую, что вся революция пахнет половыми органами» это крылатый афоризм Б. Пильняка.

Образы Маяковского часто дышат цинизмом: лысый фонарь сладострастно снимает с улицы черный чулок, а вот:

Улица провалилась, как нос сифилитика,
Река-сладострастье, растекшееся в слюни,
Обросив белье до последнего листика
Сады похабно развалились в июне!

Вы видите какие сравнения!

За цинизмом ранних стихов Маяковского, за цинизмом Есенина и даже И. Эренбурга, видится одна из главнейших особенностей шизоидной психики — безверие или потухание веры, отсутствие аффективной целеустремленности.

Среди шизоидов, как известно, Кречмер выделяет две большие группы темпераментов с переходом между ними.

На одном полюсе группа шизоидов-гиперэстетиков мечтательных, сентиментальных, чрезмерно нежных, с мимозоподобной тонкостью чувств, а от нее ряд переходов к противоположному полюсу аффективной тупости, душевной опустошенности, безразличия. Большинство шизоидов обладает и чрезмерной чувствительностью и холодностью одновременно — это особенность шизоидной психики. В своей работе о Есенине, я уже дал психологический образ такого шизоида-гиперэстетика поэта. Для аутично о Есенина весь мир это «чужой и хохочущий сброд», а у него «вся в крови душа».

И теперь говорю я не мало,
А в чужой и хохочущий сброд,
Ничего, я споткнулся о камень
Это к завтраму все заживет.

Психика русских, т. е. крестьянских поэтов, лириков и романтиков, т. е. аугистов по характеру, вообще гиперэстетична. Лирики и романтики чаще гиперэстетики. Свои настроения крестьянские поэты передают в лирической напевности.

«У шизотимических поэтов — говорит Кречмер, отдельные художественные красноты находятся в акустическом, в музыкальности речи — здесь они пышно расцветают».

И мы видим, что крестьянские поэты не пишут стихов, а поют песни — это поэты-певцы.

«Когда я встретился с С. Клычковым, — говорит Львов-Рогачевский, и попросил его прочитать стихи, он запел свою «чарочку».

Ты волна моя, родимая волна,
Уж ты что, волна, печальна и грустна?

Клюев слышит и заставляет слушать «Сосен перезвон» — он знает, как по-разному звучат песни: рекрутская, свадебная, бабья, слободская, разбойничья, рыбацкая.

Есенин обращается к своей «тальяночке» со стихами в которых Вы слышите самые звуки «тальяночки».

Заиграй, сыграй тальяночка, малиновы меха,
Выходи встречать к околице, красотка, жениха.

Орешину подарила злая нечистая сила в болотине свою «дулейку». В стихах, в которых слышны шорохи камышей, поэт рассказывает об этом:

В камышах шишигает шишига:
Не купайся — сгинешь за ксп.йку.
Дал шишиге хлеба я ковригу,
А шишига мне дала дулейку.

Поэт Клычков говорит о себе:

Я все пою; ведь я певец,
Не вывожу пером строки,
Брожу в лесу, пасу овец
В тумане раннем у реки.

Но от этого полюса гиперэстезии в психике стдельных поэтов можно уже наблюдать постепенный переход к противоположному полюсу — к холодности, к застыванию, к душевной спустошенности и безразличию — происходит то, что Кречмер называет «перемещение психэстетической пропорции».

Этот переход переживается самим поэтом очень тяжело:

Неудержимо, неповторимо
Все пролетело далече, мимо...
Сердце остыло! Выцвели очи!
Синее счастье, лунные ночи.

Или:

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя, иль ты приснилась мне,
Словно я весенней гулксь ранью
Проскакал на розовом коне.

В этих Есенинских строках, сочащихся кровью, передается тяжелое ощущение собственного охлаждения, остывания, которое в конце концов приводит такого шизоида-гиперэстетика к акту суицидальному, к самоубийству. А вот сходные ощущения такого же гиперэстетика-шизоида, непродолжительное время находившегося на лечении в Смол. Обл. псих.б-це талантливого 17-ти летнего Смоленского поэта-имажиниста С. М. Тарарина, также покончившего жизнь самоубийством в 1923 г.

Мой спутник холод в белом свете,
И ветер в ленте голубой,
А в сердце маленькая змйка
С ромбоидальнсь головой.
Моя зря давно забыта,

Мои туманы позади:
И звон стекла в окне разбитом
Катает змеиные пути.

И, наконец, на противоположном гиперэстезии полюсе—аффективной тупости и безразличия, душевной опустошенности, стоит большая группа современных деятелей искусства, шизоидов по натуре.

«Шершеневич и Мариенгоф, пишет проф. Розанов, делали вид будто им все-равно о чем ни писать, но фактической темой того и другого была опустошенность души.

Сам Шершеневич ощущает свое опустошение:

Сам себе напоминаю бумажку я,
Брошенную в клозет.

А вот его, получившие большую известность, строки.

Другим надо славы, серебряных ложечек,
Другим стоит много слез—
А мне бы только любви немножечко,
Да десятка два папирос.

Здесь то, что Блейлер называет *V. urstigkeit* — безразличие вариант аффективной тупости, душевной пустоты, что и подтверждает сам поэт:

Вместо сердца—с огромной плешинной
Вместо сердца—сплошное дупло.

Маяковский вступает в литературу нигилистом и циником, с какой-то зловещей дырой в душе (Чуковский):

Надо всем, что сделано,
Я ставлю nihil.

Он кричит: «Милостивые государи, заштопайте мне душу—пустота сочтется не могла-бы... Я сухой, как каменная баба... Я знаю, я скоро сдохну».

Эта душевная опустошенность, аффективная тупость часто скрывается за все заглушающим криком, за склонностью к бездушной стилизации, за шизоидным игнорированием всякого чувства формы, за вычурностью и манерностью современных футуристов, экспрессионистов и прочих «истов».

Не обладая нормальной эмоцией и чувством, такой художник в своем творчестве прибегает к внешней манерности и вычурности, диссимулируя этим свое бесчувствие или чувственную разложенность, т. е. поступает точно также, как склонный к манерности, и вычурности гебефреник.

Порой и в этом отношении произведения таких художников не отличались от аналогичного творчества явно душевно-больных.

Вот, напр., образец такой патологической манерности в произведении западного поэта-дадаиста.

Сигары.
Курт Швитерс.

Сигары	ер
Си	еры
га	еС
ры	еСи
ес	еСИГЕ
и	еСИГеА
Ге	еСИГеАеР
а	еСИГеАеРЫ и т. д.

Порой в произведениях современных писателей встречается уже аффективная расщепленность, распад—то, что мы называем альтернативной аффективностью или амбивалентностью, т. е. противоположные аффекты (радость и печаль, любовь и ненависть) непосредственно сменяют друг друга или даже существуют одновременно, подобно шизофренику, который и любит и ненавидит в одно и то же время.

Вот пример такой амбивалентности у Есенина:

Плачет мятель как цыганская скрипка,
Милая девушка, злая улыбка.
Я-ль не рбею от синего взгляда
Много мне нужно и много не надо.

Здесь амбитенденция—«много не нужно» и «много не надо», амбиваленция—«милая девушка» и у ней «злая улыбка».

В произведениях крестьянских поэтов наряду со святым можно встретить и разбойное и монастырское-скитское и удалое бродяжье.

«В стихах Ширияевца, говорит Львов-Рогачевский, песни, повисты и гул и стремительный натиск вольницы... А рядом с разбойником встает кулугурка (староверка) затворница, что затворилась в келейке своей, а рядом с бродягой ватажным... идет на Светлояр, в Китеж-град странница с котомкой... Тут и «искры костра Аввакума», тут и Разина «грозный зы» и пьянчуги и угодники и душегубы и страстотерпцы».

В этих стихах находят свое выражение противоположные альтернативные чувства самих поэтов.

Все современное искусство проходит под знаком «бунта». Футуристы, имажинисты, экспрессионисты, дадаисты и пр. называют себя революционерами в искусстве—но это не революция, как таковая, это просто анархический бунт.

Молодой русский футурист дореволюционного периода не шел на фабрики и заводы, а громыхая по кафе, стучал кулаками по топотрам, надевал желтую кофту, красил скулы и неопределенно грозил кулаком. Анархический бунт, а не революционность звучит и сейчас в крике Маяковского;

И был я беспутен и был я хмелен

Еще кровожадней, чем рысь

пишет Н. Тихонов.

И три четверти стихов Н. Тихонова о порохе, свинце, страхе, степях, о мощах, огне, перекрестках, о ночах, ночлегах на перепутьях... В них темные ночи половецкие, гик, бесшабашность, бездомность, кровь (Воронский).

«Слишком много авантюризма, индивидуализма, любви к разрушению», говорит Гербачев.

Порой уже не с бунтом мы встречаемся, а с озорством и хулиганством.

«Одену я колпак дурацкий
И стану бродить по Руси».

говорит имажинист Р. Ивнев.

Провоняю я редькой и луком,
И, тревожа вечернюю гладь,
Буду громко сморкаться в руку
И во всем дурака валять.

пишет Есенин и в своей «Москве кабацкой» и «исповеди хулигана», он стремится нарисовать нам психику сэррика-хулигана. С точки зрения психопатологической, этот анархический бунт, озорство, хулиганство—реакции инфантильные выявляющие психопатическую неполноценность, Minderwertigkeit, не приспособленность к жизни—симптомы (характерные для психопата и в частности) шизоида.

Это положение подтверждается социально-классовым анализом современного искусства. все элементы «бунта» ксерьй критика рассматривает, как бунт мелкобуржуазной психики, потрясенной обострением классовый бор бы, удушающим ростом капитализма и пр. условиями переходной эпохи.

Футуристы, по определению марксистской критики, это представители того слоя городской интеллигенции, ксерьй не занял обеспеченного положения в современной производственной системе. Это—озлобленные неудачники, лемпен-интеллигенция, богема.

Неудивительно, поэтому что мы и встречаем в этой среде художников, элементы психопатии, душевной болезни с элементами расщепления психики.

Биографии самих писателей и художников подтверждают это. Современные писатели на западе и у нас в бол шинстве всем молодежь. В русской писательской среде господствует молдое поколение беллетристов ст 22-х до 30-ти лет.

Еще сейчас Б. Пильняку В. Иванову, Никитину Ксыреву, Волкову, Яковлеву от 27 до 37 лет. Слонимский и Федин того моложе. Каверин и Луц рсдился в 1902 году.

Среди поэтов еще бол ше молодежь, а молдежь более неустойчива более склонна к пессимизму к колебаниям, к шзо-реакциям. Шизофрения—болезнь молдости.

В биографиях современных писателей резко выделяется их психопатическая несостоятельность.

Я не говорю уже о Есенине, Мариенгофе, фугуристах. Вот краткие автобиографии, пожалуй, менее, чем другие, аутистичной группы бытописателей—«Серапионовых братьев».

Всеволод Иванов. Сельская школа. Наборщик в типографии, матрос, клоун, факир, глотатель шпага, актер в ярмарочных балаганах. Война и революция. Тиф. Несколько раз приговорен к расстрелу. Инструктор по внешкольному образованию. Корректор. Писатель.

К. Федин. Училище. 1905 год. Забастовки. Дважды бегство из дома. Война. Скитания за границей. Хорист, актер. Революция. В Сызрани пролеткультивец, лектор, агитатор, редактор, метранпаж, кавалерист, коммунист. Вышел из партии. голодал. Писатель.

М. Зощенко. Арестован—6 раз. К смерти приговорен 1 раз. Ранен—3 раза. Самоубийством кончал—2 раза. Били—три раза. И также бесконечные скитания и профессии. Плотник. На зверином промысле на Новой Земле. Сапожный подмастерье, телефонист, милиционер, агент уголовного розыска, карточный игрок, конторщик, доброволец Красной армии. Писатель.

Н. Тихонов. Бросался под поезд в детстве. Гусар. Летал с лошади 3 раза. Контужен 1 раз. Спасал бронепоезд. Чуть не зарубил командира. Рубил дрова. Плотничал. По всеобучу работал. Играл «комических старух». Защищал Петроград от Юденича. Писатель.

В этих автобиографиях выпукло выделяются элементы явно психопатические—здесь и попытки к самоубийству, и психопатическая неприспособленность и неустроенность в жизни с постоянной сменой профессий и инфантильность с чертами бунтарства и анархизма и психопатическая-же неустойчивость с чертами раздражительности.

«Сидел в Чека и с комиссарами разными ругался и буду ругаться... говорит Н. Тихонов, закваска у меня анархистская и за нее меня когда-нибудь повесят».

Е. Полонская уже в гимназии не могла научиться «не опаздывать на первый урок, не смотреть исподлобья и не говорить дерзостей». А уже потом, когда требовалось чувствовать «серьезность разных положений», хлопотать об академическом пайке, вообще участвовать в строении нового советского быта, она, конечно, оказалась совершенно несостоятельной.

Рамки работы не позволяют привести много чрезвычайно интересных психопатологических данных об искусстве и творчестве современной эпохи, эпохи по характеру творчества несомненно шизотимической, а в некоторой своей части и явно шизофренической.

Судовольствием должен отметить, что в русском искусстве, гл. обр. последних 3—4-х лет, звучит здоровый призыв к классикам, сливающийся с призывом вернуться к классической ясности, четкости и простоте.

В живописи заметен возврат к жанру, в музыке, к Глинке и народному творчеству, в театре—к Аристофану, Островскому, Гоголю. В литературе намечается возврат к Пушкину (Львов-Рогачевский). Маяковский пишет знаменательную поэму «Александр Сергеевич, разрешите представиться».

Призывом к нашим классикам была на шумевшая речь Луначарского на торжествах в честь Островского.

Есенин и Орешин в 1924 году выступили со стихами перед памятником Пушкина.

К той же классической ясности и простоте идут виднейшие представители пролетарских писателей—Александров, Кириллов и др.

Звенят, сияют ямбов струны
Губам даруют чудеса,
Как будто сам меня целует
Кудрявый, славный Александр.

пишет пролетарский писатель поэт Казин, идущий путями Пушкина. Об утренних же беседах с Пушкиным пишет Жаров (Львов-Рогачевский).

Я не литературный критик, в своем докладе я стремился быть прежде всего объективным психопатологом, а поэтому с точки зрения только психиатрической я и позволю себе приветствовать эти здоровые тенденции в русском искусстве и пожелать их дальнейшее развитие. Этим психиатрическим приветствием и пожеланием я и закончу свою работу.

Europathologie und Eugenik *).

Prof. A. Forel (Schweiz).

Infolge besonders der modernen Kriege und des Genusses alkoholischer Getränke geht, seit der Eiszeit, unsere Menschheit entschieden psychologisch wie physisch abwärts statt vorwärts. Nur die technischen Fortschritte täuschen uns darüber und verblenden uns, indem seit ihren jeweiligen Entdeckungen, nichts davon verloren ging. Socrates und Buddha waren uns an sich überlegen. Können wir wieder vorwärts? Ja, wenn der durchschnittliche „Normalmensch“ Krieg und Giftgenüsse aufgibt. Nein, wenn er dies nicht tut. Pathologische Genies genügen nicht; die Genies, müssen nach und nach durch Eugenik normalisiert werden und dafür muss unsere heute wachsende Cacogenik langsam aber sicher zum Aufhören gebracht werden.

Эвропатология и евгеника.

Проф. А. ФОРЕЛЬ (Швейцария).

Вследствие постоянных войн, в особенности, в новейшее время, а также вследствие употребления алкогольных напитков, человечество уже с самых древних времен как в психическом, так и в физическом отношении не только не идет вперед, а скорее идет назад.

Однако, огромные успехи техники до того нас ослепляют, что мы этого не замечаем и думаем, что мы ничего не потеряли. Между тем Сократ и Будда стоят куда выше нас.

Сумеет-ли мы опять пойти вперед? Да, если средний «нормальный человек» откажется от войны и от отравляющих напитков (алкогольных). Нет, если он этого не сделает. Патологические гении нам недостаточны, гении должны быть постепенно при помощи евгеники нормализованы, а для этого необходимо, чтоб усиливающаяся в настоящее время какогеника была постепенно, но наверняка сведена на уничтожение.

*) Присланную проф. Августом Форелем заметку, где маститый ученый высказывает свое мнение об эвропатологии и евгенике, мы печатаем в оригинале на немецком языке и тут же в вольном переводе на русском языке (Редакция).

„Пантеон мозга“ Бехтерева и „Институт Гениального творчества“ Сегалина.

(Историческая справка).

Д-ра Б. Я. ВОЛЬФСОН.

План и инициатива В. М. Бехтерева, проявленная им в последний год его жизни для создания Пантеона мозга, где бы мозг всех выдающихся людей концентрировался в одном институте в целях организованного изучения, имеет своего предшественника, за много лет до реализации этой идеи. Поэтому не лишено будет интереса сделать историческую справку о попытках в этом направлении еще задолго до инициативы, проявленной В. М. Бехтеревым. Этим мы с умеем установить, что приоритет в создании такого института далеко не принадлежит покойному Бехтереву. В 1920 году д-ром Сегалиным сделан был доклад в бывшем Уральском Университете *) (в бывшем Екатеринбурге, теперь Свердловске) на тему—об организации «Института гениального творчества», где вопрос об изучении мозга входил как часть этого весьма обширного проекта изучения одаренных людей вообще. Этот проект-доклад вызвал большой интерес в свое время. Но в то время разрухи и голода, конечно, не мог входить в серьезное обсуждение, тогда вопрос этот был поставлен несвоевременно. Теперь, когда многое из этого проекта уже вошло в жизнь и когда между прочим пантеон мозга Бехтерева также поставлен на очередь дня мы считаем необходимым познакомить наших читателей с проектом д-ра Сегалина, имеющим исторический интерес как с точки зрения приоритета «Пантеона», так и вообще в отношении реализации его.

Сам д-р Сегалин особенно настойчиво не добивался реализации его, хотя и не считает его утопичным и невозможным. Напечатан был этот проект в свое время в «Уральском Враче» (1922 г., № 2), имевшем очень ограниченный круг читателей, а потому и мало известен. Приведем выдержки из этого проекта для ознакомления.

*) Доклад этот, между прочим, в 1921 г. был также зачитан в Московском Неврологическом институте по приглашению проф. Г. И. Россолимо который очень горячо отнесся к этой идее. Тогда была выбрана комиссия из Рыбникова, Россолимо, Айхенвальда, Кандицкого, Петрова и Ермакова для реализации этого плана.

Институт гениального творчества.

Проект организации международного института по изучению гениального творчества.

Д-ра Г. В. Сегалина.

(Уральский государственный университет).

(Доклад, читанный на заседании медицинского факультета Уральского университета 18 февраля 1921 г., а также на съезде медицинских работников Уральского округа 11 марта 1921г.).

Творческая энергия даровитого человека есть такая же драгоценная энергия в природе, как всякая другая. До сих пор перед этой энергией хотя и преклонялись, но ее мало ценили и бессмысленно-хищнически эксплуатировали, а 99% этой энергии гибло и пропадало.

Уродливые явления по отношению к одаренному и талантливому человеку—достаточно всем известны. Никогда анархия и эксплуатация в отношении людей искусства, людей научного, технического и другого творчества не достигала таких грандиозных размеров, как в последние десятилетия.

Кому неизвестны печальные страницы биографий великих людей. Полное непонимание новых идей или замыслов даровитого человека среди современников, преследование за всякое новшество во всех областях творчества, если эти новшества почему либо противоречат вкусам или желаниям сильных мира сего; неслыханная эксплуатация произведений творчества разными издателями, скупщиками и ловкими агентами—предпринимателями, хищническая эксплуатация ложных или настоящих вундеркиндов; необеспеченность, голодное прозябание и преждевременная гибель людей творчества, вследствие неумения приспособиться ни к каким решительно социально-экономическим условиям; преждевременная их гибель, вследствие неумения угождать и подлизываться своим меценатам—покровителям, вследствие неумения рекламировать и продавать свою душу, свои страдания продажной прессе; или же наоборот—лакейское служение одаренного и талантливого человека пошлым вкусам мешанства; продажность и наглйшее рекламирование исеждотворчества, протитутция искусством, литературой, наукой, сценой и чем только угодно, и, наконец, последнее слово в творчестве—кривлянье, позирование, кликушество в искусстве и литературе и проч. ради того, чтоб обратцть на себя внимание, чтоб получить какую нибудь подачку, чтобы только не погибнуть от голода. Все эти явления, характеризующие наиболее бессмысленнейшую трату той огромной энергии даровитого человека, настолько общеизвестны, что о них много говорить не приходится. Всякому ясно и очевидно, что всем этим уродливостям, безобразиям и бессмысленной трате этой энергии, должен быть, раз навсегда положен конец.

Талантливый и одаренный человек должен быть по справедливости оценен. признан, от эксплуатации, голода, несправедливости, невольности лжи и продажности, кривлянья — огражден; а главное, его титаническая энергия правильно и разумно использована, ибо даровитый человек—есть самое богатое достояние всех людей и это ясно всякому.

Но это ясно всякому только в теории. В практике, когда этот принцип нужно провести в жизнь, это самая сложнейшая, самая труднейшая проблема человечества. Насколько легко сказать фразу: «одаренный человек должен быть правильно оценен и использован», настолько трудно применить это на деле. Почему? Ведь тут имеется дело, во-первых, с категорией людей, которые по существу своему обладают антисоциальными, то есть резко индивидуальными свойствами (подчас не дающими им возможности приспособиться ни в каких экономически-общественных условиях), а при подавлении этих индивидуальных особенностей не может быть общественно-полезного творчества, ибо в силу только этих резких аномалийных или даже явно патологических особенностей, эти люди одарены, талантливы, гениальны и проявляют эту энергию одаренного творчества. Во-вторых, где и откуда у вас возьмутся

те критерии для правильной оценки этой энергии: что есть талантливо, что нет и т. д. Ведь все предыдущее нам оставляет в наследство такую туманную идеологию в отношении этих вопросов, как и в отношении всего того, что касается одаренного творчества и одаренного человека, что считается с этой идеологией почти не приходится. В самом деле: не только широкие массы не имеют понятия и не дают себе сколько-нибудь ясного отчета, что такое творческая энергия, что такое творчество, интуиция, «вдохновение» и проч. и проч. но даже самые образованнейшие элементы запада не дают себе ясного отчета, и в этих понятиях господствует столько метафизики и романтики, что только руками разводись.

Впрочем особенно удивляться этому не приходится. Туманная и мещанская идеология в понимании одаренного творчества объясняется еще и тем, что вопросы эти совершенно неизучены и представляют из себя непочатый край и самую темную область человеческих знаний. Ни современная психиатрия, ни психология, ни какая-нибудь другая научная дисциплина не проливают света на все эти вопросы, да и, по правде сказать, до сих пор среди ученых не было видно организованного стремления изучать эту область, не было видно заинтересованности стремиться организованным путем пролить свет там, где это больше всего нужно.

Ясно и понятно, что раз мы не заинтересованы поддерживать темноту и незнание в какой бы то ни было области вообще, то тем более мы не заинтересованы также дальше культивировать туманную идеологию и в вопросах творчества. Тем более, когда государству приходится, наконец, задумываться над тем, как сделать, чтоб урегулировать в обще-государственном масштабе те условия, которые вызывают массовую гибель одаренной и талантливой энергии, понятно, что раз государство приступит, наконец, когда-нибудь к регулированию этих условий, вызывающих эту массовую гибель творческой энергии, оно не сможет руководиться старыми отжившими туманными критериями в оценке этих людей и их произведений, иначе оно не сможет регулировать эти вопросы и прежние ошибки будут неизбежно повторяться. Так вот для этого необходимо эти вопросы во всеоружии современных знаний изучить и изучить не так, как это делалось до сих пор, неорганизованно-разрозненно и по диллетантски, а организовано-коллективно и специальным органом, который бы этим только занимался, изучал, ведал и регулировал. Автор сего доклада предлагает проект организации Института по изучению энергии одаренного творчества и одаренного человека (а также регулирования вопросов, связанных с этим творчеством—например, вопросы быта творящих). Вместе с основанием такого института современное общество положит основание новому небывалому в истории культурному началу—новой науке — Игениологии *)—т. е. науке о гениальном и даровитом человеке; и тем положит начало ясному пониманию и оценке энергии одаренно-гениального творчества, и избавит человечество от мещанского тумана, господствующего до сих пор в этой области.

План института.

Институт по изучению творчества и гениального человека распадается на две части:

- А. Теоретически-ученую часть института и
- Б. Практически-регулирующую часть института.

Рассмотрим в отдельности обе части:

А. Теоретически-ученая часть института задает себе целью изучить все, что касается гениального творчества и гениального человека по возможности экспериментально и по возможности коллективно, объединяя в себе весь творческий опыт всех родов творчества, всех стран и всех времен.

*) Термин «Игениология» (также как и термин «Эвропатология») введен был автором этого проекта впервые (Б. В.).

Для этого представители всех областей творчества (будь то музыкальн. творчество, изобразительное, научно-техническое, литературное и всякое другое), объединяются в один международный ученый коллектив, образуя из себя соответствующие секции (секция литературного творчества, секция научного творчества, музыкального и т. д.).

Вспомогательные институты учреждения, как-то:

Кафедры лаборатории, экспериментальные мастерские, студии, сцены, школы, музеи, выставки и проч. и проч., само собой разумеется, должны быть при этом учреждены.

Приблизительная схема вопросов, которые изучаются (этим коллективом) сводится к следующему:

Институтом изучается:

Во 1-х: творчество коллективное—а) творчество народов мало-культурных, высоко-культурных, б) творчество классовое.

Во 2-х: творчество детей и дикарей.

В 3-х: творчество вундеркиндов ложных и настоящих (включая сюда и творчество дефективных детей).

В 4-х: творчество душевно-больных (находящихся в специальных заведениях).

В 5-х: творчество гениальных безумцев (графоманов, психопатов).

В 6-х: творчество гениального и талантливового человека (индивидуальное творчество).

Не вдаваясь в подробные рассмотрения отдельных вопросов, намеченных здесь для изучения, я останавливаю ваше внимание на том, как докладчик представляет себе изучение личности гениального человека и его творчества, т. е. как себе докладчик конструирует то учение, названное им инженерологией. По моему мнению, изучение гениального человека и его творчества должно быть направлено в следующих 4-х направлениях:

I. Условия общие, которые способствуют появлению даровитого и гениального человека, сюда относятся:

1. Обще-биологические условия:

- а) в расовом отношении и
- б) в семейно-наследственном отношении.

2. Общественно-исторические условия:

- а) в отношении национальном и
- б) в социально-экономическом.

3. Географические и метеорологические условия.

II. Личные условия, способствующие появлению и развитию гениального человека, т. е. его специальная:

1. анатомия (в особенности анатомия мозга);
2. физиология (включая сюда: био-физику и био-химию гениальных людей);
3. психо-физиология;
4. психо-патология.

III. Специфическая функция гениального и даровитого человека, т. е. его творческая энергия, наружу проявляемая в форме: творческого экстаза, творческой интуиции, творческого вдохновения.

IV. Результат творческого акта, т. е. его произведения, которые остаются от этой функции.

Во всех этих направлениях и должен быть изучаем гениальный человек и его творчество. Теперь остановимся на некоторых пунктах подробно.

Специальная анатомия великих людей и в особенности специальная анатомия центральной и симпатической нервной системы, до сих пор почти совершенно не изучены, а то, что изучалось, носит случайный характер.

Мозг и труп умершего даровитого человека не был объектом систематического изучения. Поэтому Институту в первую очередь предстоит законодательным порядком декретировать обязательное вскрытие мозга всех

без исключения выдающихся людей, а при надобности также вскрытие трупа с оставлением его в анатомическом музее гениального человека для посмертного изучения *).

Какую колоссальную важность имел бы материал этого анатомического музея, гениального человека, для изучения,—говорить не приходится.

Что касается изучения общей биологии, физиологии великих людей, то здесь (помимо других физиологических вопросов) вопрос об изучении связи внутренней секреции с специфическими функциями творчества, а также связь этой внутренней секреции с центральной и симпатической нервной системой, представляет очередной вопрос. Будущему институту для проведения возможности изучить эти вопросы встретятся, быть может, чрезвычайные затруднения при прижизненном изучении людей творчества, однако, для этого институт не должен останавливаться ни перед чем, чтобы законодательным порядком принять те или иные меры для практического проведения этой возможности. Как рациональная мера для этой цели докладчик предлагает устройство строго профессиональных лечебных и санаторных учреждений, как-то: дома отдыха для поэтов, санатория для художников, здравницы для артистов, ученых и т. д., где помимо общего лечения в этих учреждениях людей творческого типа можно проводить вышеупомянутые исследования, одновременно с этим лечением. И дальнейшие изучения, научные наблюдения могут быть проведены вне этих учреждений.

Квадратным камнем изучения и понимания людей творческого типа и в особенности, изучения творческого психо-механизма, служат психопатология гениальных людей и психопатология творчества. То, что было сделано до сих пор в этом направлении ничтожно и дилетантски. Попытка Моро де-Тура, Ломброзо и его школы в этом направлении, осталась только попыткой и принесла даже некоторый вред изучению этой области.

Ошибка Ломброзо и его школы заключается в том, что в психопатологической сущности гениального человека они видели только отрицательные стороны. Признак вырождения до того их запугал, что посадить в дом умалишенных всякого великого человека сделалось любимым спортом всякого психиатрического дилетанта (вспомните «вырождение» Макса Нордау), а сколько проливалось крокодиловых слез по поводу психической болезненности гения, идущей яко бы в ущерб «здоровому» творчеству. Совершенно забывается при этом, что природа не знает деления на нормальное творчество и ненормальное. Природа знает только одно—творчество, одно аномальное, вытекающее из аномальной же психики гениального человека; забывается также, что в патологической сущности психики гениального человека наряду с отрицательными процессами дегенерации идет еще сильное положительный, прогрессивный процесс—прогенерации («перерождения») и из этого процесса прогенерации вытекает положительный результат аномального (гениального) творчества.

Когда идет рубка большого леса, то есть, когда идет великий процесс прогенерации, не плачут о падающих щепках—дегенерации.

Институт должен будет совершить переоценку всех ценностей и по вопросу о дегенерации, и на место его выдвинуть проблему прогенерации. Разрешение этой проблемы в отношении великих людей может самым лучшим образом дать понять, как патологическое перерождается в так называемое физиологическое. Исследование этих вопросов, а также вопросов психологии гениальных людей, институту предстоит начать на огромном материале биографическом, как-то: письма, воспоминания и проч., совершенно еще никем не изученном в этом отношении, ибо те, которые изучают этот материал, биографы, дают совершенно ложное освещение в биографиях, уммышленное умалчивание о том, что составляет квинт-эссенцию для понимания его творчества, то есть та психопатическая основа, в силу которой талантливый человек и творит.

*) Курсив наш (Б. В.).

Поэтому будущему Институту предстоит огромная задача, обработать весь этот гигантский биографический сырой материал великих людей в виде отдельных патографий (вместо прежних биографий), представляющих из себя как бы историю болезни аномальной жизни даровитого человека в связи с развитием его творческой эволюции. Начало таким патографиям уже сделано лейпцигским психиатром-невропатологом проф. Мебиусом, который впервые начал свой успешный опыт над Шопенгауэром, Гете, Руссо и др. А за ним последовал и целый ряд других, но это только капля в море по отношению к тому, что должно быть сделано.

Это первая задача Института.

Вторая, важнейшая задача Института, это разработка проблемы подосознательного. Как известно, учение о подосознательном, как учение о диссоциированной психике составляет центральный пункт современного изучения психопатологии. Подосознательный фактор, как результат диссоциированной (или расщепленной) психики во всяком случае есть главный фактор творческой энергии.

Изучение этого вопроса Институт сумеет поставить на должную высоту лишь тогда, когда изучение этого вопроса будет поставлено экспериментально над душевно-больными и именно над теми душевно-больными, которые начинают проявлять гениальное творчество во время своей болезни, при разрушении нормальной психики (не проявив этой творческой энергии в так называемом нормальном состоянии). Таким образом лишь возможно будет подойти вплотную к изучению психомеханизма самой творческой энергии и всех видов этой энергии.

Изучение творческой функции, проявляемой в форме ли так назыв. поэтического вдохновения или творческого экстаза или интуиции, убедило докладчика в том, что каждая форма такого творческого вдохновения будет специфична для данного симптомокомплекса данной психопатической конституции, т. е. если данное творческое лицо, скажем истерической конституции, то творческое вдохновение данного лица будет иметь истерическую окраску, истерическую семиотику. Если данное творческое лицо эпилептической конституции, то его творческий экстаз, проявляемый как некий эпилептический эквивалент, будет эпилептический экстаз (так мы можем, например, понять творческий экстаз Достоевского и др.).

Этот закон специфичности творческой энергии, проверенный докладчиком на большом патографическом материале даст возможно разработать специальную семиотику каждого рода творческого экстаза, каждого вида творческой интуиции.

Так что можно установить как правило, следуя сий тезис: «Скажи мне твой недуг, и я скажу тебе твоё вдохновение». Практическая семиотика творческого экстаза, а также, если хотите, практическая диагностика творческого экстаза или интуиции, вот проблема, которую должен разработать институт. Точно такой же метод изучения должен быть, по нашему мнению, и по отношению к произведениям творчества.

Творческое произведение, как симптомокомплекс известного душевного состояния, фактически уже давно применяется в своем роде, конечно, художниками (клиницистами также, подобно тому, как почерк служит симптомом той или иной болезни).

Так что разработка семиотики произведения творчества — вопрос ближайшего будущего. Подобно тому, как по спектру мы узнаем минералы на солнце, точно также по произведениям творчества мы сумеем диагностировать ту специфическую творческую энергию, которая создала это произведение; и обратно — специфическая творческая энергия, даст специфическое произведение.

Таким образом, произведение творческое отражает собою специфический творческий экстаз. Творческий экстаз отражает собою специфический недуг душевный. Отсюда определенный психический симптомокомплекс дает определенный творческий стиль в произведениях.

Если будущему Институту изучением практической семиотики творческой энергии, а также изучением практической семиотики и диагностики произведения творчества — будет дана возможность, то уже такому инсти-

туту легче будет разобратъся, что есть истинно-гениальное творчество и что есть симуляция творчества, подобно тому, как мы распознаем симуляцию болезни от естественного проявления этой болезни.

Таким методом распознавания Институту будет дана возможность подойти к решению практических вопросов, которыми должна заняться по нашему плану II-я часть Института—практически-регулирующая часть.

В. Практически-регулирующая часть Института, практически проводит в жизнь и регулирует все те вопросы, которые возникают: с практикой всех родов творчества, с бытом творящих, с вопросами оценки, а также правильного распределения произведенной творчества.

Эта практическая часть института, представляя из себя международный регулирующий аппарат Института, при проведении той или иной меры (или того, или иного законодательства) руководится всеми теми результатами исследований и изысканий, выработанными ученой частью или ученым коллективом Института.

Этот регулирующий аппарат распределяется на следующие отделы:

I. Отдел, регулирующий вопросы коллективного творчества.

II. Отдел, регулирующий творчества душевно-больных, находящихся в закрытых (психиатрических) заведениях.

Какой громадной важности является вопрос регулирования творчества душевно-больных видно из следующего:

1) Многие великие люди, заболевая психически и попадая в психиатрические больницы — продолжают творить гениальное (вспомните Врубеля, Ван-Гога, Глеба Успенского и многих других).

Если вопрос о душевно-больных вообще—есть самый больной вопрос человечества—то тем более тяжелым камнем лежит на совести человечества—вопрос о таких гениальных безумцах. Условия психиатрических больниц, как бы они ни были хороши—далеко не благоприятны для их творчества.

2) Существуют типы гениального безумца, которые проявляют свое гениальное творчество лишь тогда, когда его нормальная психика начинает разрушаться (не проявив этого творчества в нормальном состоянии).

Особенность этих гениальных безумцев—необычайно бурная, стихийная, протекающая с необычайной гипербулией творческая энергия, которая создает великое на развалинах своего же собственного разрушения.

Сплошь и рядом творчество этих людей гибнет и пропадает вследствие того, что попадает в руки непонимающих этого творчества.

Поэтому законодательство по охране и улучшению быта этого творческого типа—задача этого отдела.

III. Отдел, регулирующий творчество резко выраженного антисоциального элемента.

(Гениальных безумцев, графоманов, безумных утопистов, лисхопатов, «дегенератов высшего порядка»).

Этот творческий элемент, творчество которого ценно не менее всякого другого, живя на свободе, не может ужиться ни при каких социальных условиях, в силу своих резко патологических особенностей, требует особого внимания и забот государства.

Новое общество впервые займется урегулированием быта этих несчастных. Старое общество сплошь и рядом их всячески травило и сажало в тюрьмы за их антисоциальные свойства.

Новое общество, ценя в них гениальное и понимая патологичность их натуры, впервые создаст для них:

Собез гениального безумца в виде:

1. общественной защиты (от непонимания их и от всякого рода преследований).

2. создания убежища или патроната для них.

IV. Отдел, регулирующий вопросы творчества «бесплодных» гениев и талантов.

(«Непризнанные гении»).

Существует особый тип гения или таланта, который отличается тем, что не обладает достаточной энергией или силой, чтобы своим внутренним гениальным переживаниям придать внешнюю форму творчества, поэтому остается бесплодным. Однако при соответствующих благоприятных условиях они могут свои переживания воплотить и во внешние формы творчества. Этот отдел и должен регулировать вопросы их развития и быта, соответствующими мерами (индивидуализируя, конечно, в каждом отдельном случае) именно созданием необходимых условий, чтобы такой бесплодный талант сделался плодотворным.

V. Отдел, регулирующий вопросы резко выраженного антисоциального творчества.

Сюда относятся вопросы парнографии и проституции в творчестве, а также симуляция, кликушество и проч.

VI. Отдел, регулирующий вопросы вундеркиндизма и творчества дефективных детей.

Если вы обратите внимание, как проявляет себя гениальный и талантливый человек в детские и юношеские годы, то вы увидите, что он проявляет себя или как вундеркинд или, чаще всего, как дефективный ребенок.

Что вундеркинды почти сплошь гибнут от неправильного развития и от неправильной эксплуатации их гениальной энергии и из них впоследствии ничего не выходит в огромном большинстве случаев—это общеизвестный факт.

Что касается ребенка, который впоследствии делается великим или талантливым человеком, то это в огромном большинстве случаев пасынки школы и самым они и воспитываются, как дефективные умственно-отсталые, слабоумные или никуда негодные дети. Биографии великих людей дают нам бесчисленные примеры.

Таким образом задача этого специального отдела—раннее распознавание дефективного, но гениального ребенка; правильное развитие, оценка и регулирование их быта.

VII. Отдел, регулирующий вопросы индивидуального творчества, т. е. творчества гениального и талантливого человека.

В отношении его быта, его антисоциальных свойств (если они есть), его правильного развития и правильной оценки.

VIII. Отдел, регулирующий вопросы правильной оценки произведений творчества и правильного распределения по музеям, выставкам и другим культурно-общественным учреждениям.

Таким образом, вы видите, практическая часть Института выдвигает новый вид социальной практики, новый вид общественной медицины: эстетико-творческой медицины.

Из истории социальной практики нам известно, что если какая-нибудь отрасль этой общественной практики делается рутинной и покрывается плесенью, тогда на помощь приходит великий эскулап и вносит дух оживления и исцеления.

Судебная психопатология, школьно-дефективная медицина и др. виды общественной медицины—есть результат такого вмешательства эскулапа.

Так вот, также и по отношению к гениальному творчеству, когда мешающая идеология загнада в тупик все эстетико-творческие порывы и инстинкты, когда искусство представляет из себя почти сплошное кликушество (в виде некоторых форм футуризма), назрел такой момент, когда с помощью вмешательства эскулапа должна быть создана эта эстетико-творческая медицина. Когда это будет сделано, тогда, по нашему глубокому убеждению, только возможно будет новое возрождение гениального творчества.

Не вдаваясь в критику и оценку этого проекта мы, как сказано было выше, привели его лишь для исторической справки. Мы видели, что сама идея Пантеона под другим названием включена в этом проекте еще за много лет до Бехтерева. Многие из этого проекта уже реализовано в жизни, например, санаторий для ученых, институт по изучению литературного творчества, лаборатория при академии Наук по изучению научного творчества, настоящий Архив, изучающий эвропатологию, Пантеон мозга Бехтерева, Всеукраинский Пантеон мозга и пр. и пр.

Несомненно, придет время, этот проект в той или иной форме будет проведен в жизнь, если не так, как это было намечено автором (который и сам считает, что этот проект требует другой разработки), то в другом виде. В особенности теперь, когда у нас начинают говорить о культурной революции, вопрос, поднятый в этом проекте, должен быть проведен в жизнь.

Болезнь Достоевского *)).

Приват-доцент Н. А. ЮРМАН.

Прав Мережковский **), когда говорит, что у Достоевского и в особенности у Л. Толстого, «произведения так связаны с жизнью, с личностью писателя, что нельзя говорить об одном без другого: прежде чем изучать Достоевского и Л. Толстого, как художников, мыслителей, проповедников, надо знать, что это за люди». Л. Толстой в своем письме к Страхову ***) пишет: «вы говорите, что Достоевский описывал себя в своих героях, воображая, что все люди такие. И что же! результат тот, что даже в этих исключительных лицах не только мы, родственные ему люди, но иностранцы узнают себя, свою душу. Чем глубже зачерпнуть, тем общее всем, знакомее и роднее. Не только в художественных, но в научных философских сочинениях, как бы он ни старался быть об'ективен—пускай Кант, пускай Спиноза,—мы видим, я вижу душу, только ум, характер человека пишущего». Если прибавить к этому слова самого Страхова *), что все написанное Достоевским «было им переживаемо и чувствуемо, даже с великим порывом и увлечением. Достоевский—суб'ективнейший из романистов, почти всегда создававший лица по образу и подобию своему. Полной об'ективности он редко достигал»,—то станет вполне понятной необходимость самого детального изучения личности, психического облика Достоевского для всякого желающего изучить с той или иной точки зрения его произведения. Поэтому удивительно, когда психиатру проф. Чижу**) «весьма трудно об'яснить каким путем приобрел Достоевский так много сведений по психопатологии». Правда, дальше Чиж сам указывает, что «конечно, многое в болезненных состояниях

*) Глава из работы автора „Садизм в произведениях Достоевского“.

**) Мережковский Д. С. „Л. Толстой и Достоевский“, т. I. Издание второе. Спб., 1901. Т. II. Религия Л. Толстого и Достоевского Спб. 1902.

***) Переписка Л. Н. Толстого с Н. П. Страховым. Современный Мир. 1913 г. № 12.

*) Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С портретом Ф. М. Достоевского и приложениями. С. П. Б. 1883.

**) Чиж Владимир. Достоевский, как психопатолог. Очерк. Москва. 1885 г.

души уяснила Достоевскому и его собственная болезнь, но почти невозможно определить, что именно мог указать Достоевский путем самонаблюдения». Но в том-то и дело, что Достоевский дал свои гениальные, тончайшие описания различного рода болезненных уклонений со стороны психической сферы не на основании приобретенных им сведений по психопатологии, а описывал свои пережитые им лично болезненные душевные переживания. Поэтому то вернее слова Чижа в другом месте о том, что, благодаря «незнакомству с сочинениями по психиатрии, образы, созданные Достоевским, и имеют такое высокое значение; иначе его романы были бы только популяризацией науки». Именно ярким примером такой популяризации науки, по моему мнению, могут служить романы Зола. В них все так и отдает начитанностью, желанием автора не только блеснуть своими познаниями по психопатологии, но и даже сказать свое новое слово. А раз ключ к пониманию, проникновению в произведение автора дает только самое детальное изучение личности этого автора и его болезни, если таковая имеется налицо, то уже совершенно неосновательным является мнение Чижа, что «уважение к личности и страданиям Достоевского многого не позволяет говорить даже врачу». Гениальность, величие Достоевского все покрывают, имя его уже принадлежит истории, а для такого рода исторических личностей необходимо не умолчание о той или другой стороне их жизни их деятельности, а, напротив, самое тщательное исследование, изучение как светлых, так и теневых сторон их психического облика. В данном случае нам могут служить примером немцы. Несмотря на все их преклонение перед величием Гете, у них существует ряд сочинений, в которых самым подробным образом рассматривается как физическое, так и психическое состояние здоровья Гете, причем в некоторых из них авторы касаются очень щекотливых, конечно, с точки зрения публики, тем. Укажу на сочинения проф. В. Fränkel'я «Des jungen Goethe schwere Krankheit. Tuberculose nicht Syphilitis» д-ра Р. I. Mobius'a «Goethe» в 2-х томах, в котором произведения Гете рассматриваются в связи с болезненными явлениями, наблюдавшимися у самого Гете, проф. R. Sommer'a «Goethe im Lichte der Vererbungslehre».

Ко взглядам Чижа мне придется еще вернуться при разборе произведений Достоевского, здесь же не могу не указать еще на одно мнение Чижа общго характера. «Достоевский, говорит Чиж, ждет своего Сент-Бэва: только, когда критика вполне анализирует его произведения, отделит неизбежные во всяком деле плевелы от пшеницы, выяснит нам все значение его творений, объяснит малопонятные характеры и положения, тогда только можно будет исполнить всю задачу и психиатру». По моему, дело обстоит совершенно обратно. Кому же, как не психиатру лучше всего «обяснить малопонятные характеры и положения» в произведениях Достоевского. Мне придется дальше указывать, к каким неверным выводам приходят критики До-

стоевского, даже очень талантливые, но не обладающие достаточной психиатрической эрудицией. Я утверждаю, что многое из произведений Достоевского без знания психиатрии, невропатологии является совершенно непонятным. Чтобы вполне оценить всю глубину, всю гениальность его творений необходима основательная психиатрическая подготовка. После этих предварительных замечаний перехожу к рассмотрению психического облика Достоевского.

Относительно наличия у Достоевского психопатологической наследственности имеются следующие указания.

Отец Достоевского *) страдал запоем. Его, повидимому, патологическая скупость росла вместе с усиливавшимся пьянством. Под влиянием той же причины он делался все более и более строгим в обращении со своими крепостными и в результате он был задушен подушкой из экипажа во время поездки из одного своего имения в другое. Кучер исчез вместе с лошадьми, одновременно исчезли еще некоторые крестьяне из деревни. Во время судебного разбирательства другие крепостные показали, что это был акт мести. Братья Достоевского Михаил и Николай унаследовали болезнь отца, особенно Николай. Сестра Варвара отличалась чисто патологической скупостью. Оставшись богатой вдовой после смерти своего мужа, имея несколько доходных домов, она тем не менее отказывала себе во всем, никогда не отапливала своей квартиры, проводила всю зиму в шубе, ничего не варила, покупала лишь два раза в неделю немного молока и хлеба и была убита ночью в своей квартире с целью ограбления. Сын этой сестры «был так глуп, что его глупость граничила с идиотизмом». Старший сын брата Достоевского Андрей умер от прогрессивного паралича.

Мать Достоевского умерла от чахотки. Интересно, что и первая жена Достоевского, Мария Дмитриевна тоже умерла от чахотки. Таким образом, у отца Достоевского был характер, весьма похожий на эпилептический. Со стороны же матери имелась туберкулезная наследственность, что, в свою очередь, повидимому, сказалось на предрасположении Достоевского к заболеваниям дыхательных органов. Следует добавить, что нервная наследственность со стороны отца передалась детям в виде особенной склонности к судорожным явлениям—сам Достоевский страдал падучей, брат Михаил судорожными подергиваниями в область головы и туловища (плеч). Болезненные явления со стороны нервной системы у самого Достоевского проявлялись даже в детстве. В дневнике писателя за 1876 год, в рассказе «Мужик Марей». Достоевский описывает, как он, будучи 9-ти лет, испытал слуховые галлюцинации; ему послышался, во время прогулки в деревне, крик «волк бежит». Сначала он сильно испугался, но потом понял, что крик «померещился».

*) Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской Государственное издательство. 1922 г.

По его словам, «крик был, впрочем, такой ясный и отчетливый, но такие крики (не об одних волках) мне уже раз или два и прежде мерещились и я знал про то. (Потом, с детством, эти галлюцинации прошли)». Интересно, что в этом же рассказе есть указание на проявление у Достоевского и столь свойственного детям садизма. Именно, он рассказывает, как во время той же прогулки он выламывал себе ореховый хлыст, «чтобы стегать им лягушек»; «хлысты из орешника так красивы и так прочны, куда против березовых»,—прибавляет автор при этом.

Центральным пунктом, имевшим громадное влияние и на творчество, в состоянии здоровья Достоевского несомненно является его падучая болезнь. Последняя наложила резкий отпечаток и на психический облик, на характер Достоевского и на его произведения. Не так легко на основании имеющихся данных определить время появления у Достоевского первых припадков, хотя, как известно, эпилепсия может и не проявляться припадками, а выражаться только характерными, свойственными только ей одной изменениями психической сферы. Может быть, уже только что описанные слуховые галлюцинации представляли из себя психический эквивалент припадков? Что же касается настоящих, судорожных припадков, то Ор. Миллер указывает на «одно совершенно особое свидетельство о болезни Ф. М., относящее ее к самой ранней его юности и связывающее ее с трагическим случаем в их семейной жизни», но при этом оговаривается: «хотя это и передано мне на словах очень близким к Ф. М. человеком, я ни откуда более не встретил подтверждения этому слуху, а потому и не решаюсь подробно и точно его изложить». Миллюков говорит: «если и до ссылки у него были, как говорят, припадки падучей болезни, то без сомнения слабые и редкие. По крайней мере, до возвращения его из Сибири я не подозревал этого, но когда он приехал в Петербург, болезнь его не была уже тайною ни для кого из близких к нему людей». Сам Достоевский в письме к брату из Семипалатинска (30-VII-1854 г.) пишет: «я, например, уже писал тебе о моей болезни. Странные припадки, похожие на эпилепсию, и однако же, не падучая». Но уже в письме к Врангелю из Семипалатинска (9-III-1857 г.), говоря о бывшем у него припадке, «сокрушившем» его «телесно и нравственно», он прибавляет, что доктор сказал, что у него «настоящая эпилепсия». В письме к государю из Твери Достоевский уже прямо указывает, что припадки падучей начались у него на каторге. То же самое повторяется в сведениях, продиктованных им в последние годы жизни жене, Анне Григорьевне, для иностранной своей биографии: «в 1859 г., будучи в падучей болезни, найтись еще в каторге, был уволен в отставку». Еще более точные указания о времени начала припадков имеются в воспоминаниях Ковалевской *) Ковалевская сказала ей сам Достоевский. «болезнь началась

*) Ковалевская С. В. Воспоминания детства. «Вестник Европы». 1890 г. Август. Глава X. Знакомство с Ф. М. Достоевским.

у него, когда он был уже не на каторге, а на поселении; он ужасно томился тогда одиночеством и целыми месяцами не видел живой души, с которой мог бы перекинуться разумным словом. Вдруг, совсем неожиданно, приехал к нему один его старый товарищ... Это было именно в ночь перед Пасхой. Но на радостях свиданья они и забыли, какая эта ночь, и просидели ее всю напролет дома, разговаривая, не замечая ни времени, ни усталости и пьянея от собственных слов. Говорили они о том, что обоим всего было дороже—о литературе, об искусстве и философии; коснулись, наконец, религии. Товарищ был атеист, Достоевский—верующий, оба горячо убежденные каждый в своем. «Есть бог, есть!»—закричал, наконец Достоевский, вне себя от возбуждения. В эту самую минуту ударили колокола соседней церкви к заутрени. Воздух весь загудел и заколыхался. «И я почувствовал,—рассказывал Федор Михайлович,—что небо сошло на землю и поглотило меня. Я реально постиг бога и проникнулся им. Да, есть бог!»—закричал я,—и больше ничего не помню». «Вы все, здоровые люди,—продолжал он,—и не подозреваете, что такое счастье, то счастье, которое испытываем мы. эпилептики, за секунду перед припадком. Магомет уверяет в своем коране, что видел рай и был в нем. Все умные дураки убеждены, что он просто лгун и обманщик. Ах нет! Он не лжет! Он, действительно, был в раю в припадке падучей, которую страдал, как и я. Не знаю, длится ли это блаженство секунды, или часы, или месяцы, но, верьте слову, все радости, которые может дать жизнь, не взял бы я за него!» Означенная, приведенная мною подробно, выдержка интересна не только в смысле точного определения времени начала припадков у Достоевского, но и в других отношениях. Из нее видно, что припадку предшествовал резко выраженное аффективное состояние—радость от неожиданно приехавшего старого товарища, разговор на дороге для обеих темы, когда они, как говорится в воспоминаниях, пьянели от собственных слов, совпадение свидания с ночью перед Пасхой и, наконец, звон колоколов к пасхальной заутрени, доведший и без того уже крайне напряженное состояние нервной системы до последнего предела. С другой стороны, в этом же отрывке прекрасно описывается психическая аура, которую испытывал Достоевский перед припадками, и которую он неоднократно описывал в своих романах, приписывая ее тому или другому из действующих лиц своих произведений. Другое, детальное описание припадков, бывших у Достоевского, принадлежит Страхову. Как крайне важное с интересующей нас точки зрения, привожу его здесь подробно. В своих воспоминаниях Страхов пишет: «в апрельской книжке «Времени» появилось только 18 стр. его романа «Униженные и оскорбленные», с примечанием от редакции о болезни автора. Болезнь эта была страшный припадок падучей, от которого он дня три пролежал почти без памяти... Припадки болезни случались с ним приблизительно раз в месяц, таков был обыкновенный ход. Но иногда, хотя очень редко,

были чаще; бывало даже и по два припадка в неделю. За границей, то есть при большем спокойствии, а также вследствие лучшего климата, случалось, что месяца четыре проходило без припадков. Предчувствие припадков всегда было, но могло и обмануть... Самому мне довелось быть свидетелем, как случился с Федором Михайловичем припадок обыкновенной силы. Это было вероятно в 1863 году, как раз накануне Пасхи. Поздно, часу в 11-м, он зашел ко мне и мы очень оживленно разговорились. Не могу вспомнить предмета, но знаю, что это был очень важный и отвлеченный предмет. Федор Михайлович очень одушевился и зашагал по комнате, а я сидел за столом. Он говорил что-то высокое и радостное; когда я поддержал его мысль каким-то замечанием, он обратился ко мне с вдохновенным лицом, показывавшим, что одушевление его достигло высшей степени. Он остановился на минуту, как бы ища слов для своей мысли, и уже открыл рот. Я смотрел на него с напряженным вниманием; чувствуя, что он скажет что-нибудь необыкновенное, что услышу какое-то откровение. Вдруг из его открытого рта вышел странный и бессмысленный звук, и он без чувств опустился на пол среди комнаты. Припадок на этот раз не был сильный. Вследствие судорог все тело только вытягивалось, да на углах губ показалась пена. Через полчаса он пришел в себя, и я проводил его пешком домой, что было недалеко. Много раз мне рассказывал Федор Михайлович, что перед припадком у него бывают минуты восторженного состояния. «На несколько мгновений», — говорил он, — «я испытываю такое счастье, которое невозможно в обыкновенном состоянии и о котором не имеют понятия другие люди. Я чувствую полную гармонию в себе и во всем мире и это чувство так сильно и сладко, что за несколько секунд такого блаженства можно отдать десять лет жизни, пожалуй, всю жизнь». Следствием припадков были иногда случайные ушибы при падении, а также боль в мускулах от перенесенных ими судорог. Изредка появлялась краснота лица, иногда пятна. Но главное было то, что большой терял память и дня два или три чувствовал себя совершенно разбитым. Душевное состояние его было очень тяжело; он едва справлялся со своей тоскою и впечатлительностью. Характер этой тоски, по его словам, состоял в том, что он чувствовал себя каким-то преступником, ему казалось, что над ним тяготеет неведомая вина, великое злодейство. Понятно, как вредно было для Федора Михайловича все то, что производит приливы крови к голове, следовательно по преимуществу писание». В другом месте своих воспоминаний Страхов пишет: Достоевский «постоянно стремился за границу, когда чувствовал нужду поправиться и освежиться. Какая тут была причина, — перемена ли воздуха, или перемена его изнурительного образа жизни, но только эти поездки были для него спасением; польза их доказывалась мерилом, в котором не могло быть никакого сомнения, — быстрым уменьшением числа припадков».

Помимо указаний на частоту припадков, на влияние на ко-

личество припадков пребывания за границей, о чем речь будет ниже, крайне интересно, что сам припадок, свидетелем которого был Страхов, представляется совершенно идентичным с тем, который описывается в воспоминаниях Ковалевской. Совпадает даже время появления припадков в том и другом случае—ночь на Пасху. И здесь припадку предшествует повышенное аффективное настроение, оживленный горячий разговор на отвлеченные, возвышенные темы. Крайне трудным для определенного решения представляется вопрос, являлось ли предшествовавшее припадку и в том и в другом случае повышенное аффективное состояние причиной этого припадков или скорее оно являлось начальной стадией, своего рода продолжительной психической аурой, причем в последние секунды перед началом припадков оно достигало только наивысшего напряжения, давая в результате то похожее на экстаз состояние неземного блаженства, за которое, по словам Достоевского, можно отдать всю жизнь. Интересно указание Страхова и на то тяжелое физическое и психическое состояние, которое следовало за припадком, продолжаясь иногда в течение нескольких дней, и характеризовалось чувством общей разбитости, ослаблением памяти, сильной тоскою и идеями бреда самообвинения. Ценные указания относительно своих припадков и вообще состояния своего здоровья дает Достоевский и в своих письмах к разным лицам. Некоторые из этих указаний мною уже приведены выше. Очень интересны в этих письмах данные относительно влияния на появление припадков пребывания за границей. Об этом влиянии мною уже приведены выше слова Страхова. Сам Достоевский в письме к Врангелю (31-III-1865 г.) пишет: «здоровье мое за границей, в оба раза, воскресало с быстротою удивительной». Страхов, из Флоренции (18—30-III-1869-г.): «здоровье мое чрезвычайно хорошо, а припадки хоть и продолжаются, но буква в а л ь н о (курсив Достоевского) вдвое реже, чем в Петербурге, по крайней мере с переселением в Италию». Но и пребывание за границей не всегда благотворно влияло на появление припадков. И в этом отношении особенно неблагоприятно было пребывание в Швейцарии. А. Майкову из Женевы (15-IX-1867 г.) Достоевский пишет: «Как только переехал в Женеву, тотчас же начались припадки, да какие!—как в Петербурге. Каждые 10 дней по припадку, а потом дней 5 не опомнюсь. Пропадающий я человек! Климат в Женеве сквернейший и в настоящее время у нас уже 4 дня вихрь, да такой, что и в Петербурге разве только раз в год бывает. А холод—ужас!». Майкову же из Женевы 9—21-IX-1867 г.: «Женева—пакошь, и я в ней действительно обманулся. Припадки у меня здесь почти каждую неделю; начинается, кроме того, какое-то скверное сердцебиение. Это ужас, а не город. Это Кайенна. Ветры и вихри по целым дням, а в обыкновенные дни самые внезапные перемены погоды, раза по три, по четыре в продолжение дня. Это гемороидалисту-то и эпилептику!». В том же письме дальше: «... припадки добивают окончательно, и после

каждого я суток по 4 с рассудком не могу собраться. А как было хорошо вначале в Германии! Это Женева проклятая... Воображение-то у меня еще есть, и даже недурно. Это я на-днях на романе же испытал. Нервы тоже есть. Но памяти нет». Из Женевы 9—21-V 1868 г.: «3-го дня был сильнейший припадок. Но вчера я все-таки писал, в состоянии, похожем на сумасшествие. Ничего не выходило». Из Веве 19-VII—21-X 1868 г.: «Я был несчастен все это время. Смерть Сони и меня и жену измучила. Здоровье мое некрасиво; припадки, климат Вевея расстраивает нервы». Но не всегда дело обстояло благополучно с припадками и в Германии. Так в письме к Майкову из Дрездена 17—28-IX-1869 г. сообщается: «мы в великой радости. У ней (у жены Достоевского) третьи сутки—т. е. самые опасные. Мое здоровье в Дрездене крайне плохо. Бесперывно простужаюсь, чего почти никогда со мною не было, а в Швейцарии и Италии было немисливо. Да и припадки в Дрездене увеличились; но это, может быть, только с приезда». Майкову же из Дрездена 12—24-III-1870 г.: «После большого промежутка между припадками, теперь они принялись опять колотить и злят меня особенно тем, что мешают работать». В противоположность за границе Петербург действовал всегда ухудшающим образом на состояние здоровья Достоевского. «Как приехал (из заграницы)—сейчас припадок, в первую ночь,—сильнейший. Оправился, дней через пять,—другой припадок, еще сильнее. Наконец, 3-го дня еще, хоть и слабый, но три сряду меня ужасно расстроили» (письмо Врангелю из Петербурга, 8-X-1865 г.). «Припадки усиливаются (чего за границей не бывает)» (письмо ему же из Петербурга 9-V-1866 г.). О той тоске, которая появлялась после припадков и о которой говорит в своих воспоминаниях Страхов, Достоевский пишет в своем письме из Дрездена (18—30-III-1871 г.): «некоторое время хворал, а главное тосковал после припадка падучей. Когда припадки долго не бывают и вдруг разразятся, то наступает тоска необычайная, нравственная. До отчаяния дохожу. Прежде эта хандра продолжалась дня три после припадка, а теперь дней по семи, по восьми, хотя сами припадки в Дрездене гораздо реже приходят, чем где-нибудь». О состоянии своем после припадков он пишет и в своем письме Герасимовой (7-III-1877 г.): «Я выдержал три припадков моей падучей болезни, чего уже многие годы не бывало в такой силе и так часто. Но после припадков я по два, по три дня работать, ни писать, ни даже читать ничего не могу, потому что весь разбит и физически, и духовно». Но, как известно, при продолжительном существовании эпилепсии наблюдаются изменения со стороны психической сферы не только в кратковременные промежутки времени после припадков, но образуются уже стойкие, постоянные изменения интеллекта, развивается та или иная степень тупости соображения, слабости памяти. И Достоевский в этом отношении не представляет исключения. Он сам указывает в последние годы своей жизни, что

умственная, творческая работа ему дается труднее. Относительно же ослабления памяти имеется ряд указаний как его самого, так и посторонних лиц! Уже в письме к Врангелю из Семипалатинска, 9-X-1856 г. он пишет о припадках, которые «все еще повторяются и от которых каждый раз тупеет моя память и все мои способности и от которых боюсь впоследствии сойти с ума». «Вообще, у меня память стала очень плоха»—пишет он брату (Семипалатинск, 31-V-1858 г.). Интересные указания Достоевского относительно своей памяти в его письмах к Л. А. В письме 17-XII-1877 г. он пишет: «из этого вы можете заключить, какая у меня ужасная память (вследствие припадков моей падучей болезни). Я даже лица людей, с которыми познакомился, забываю, и, встречаясь потом, не узнаю их и таким образом (верите ли?) наживаю даже врагов». В письме 28-III-1878 г. он выражается о недостатках своей памяти еще более резко: «у меня самая расстроенная (падучею болезнью) память в мире». Ор. Миллер, указывая на основании метрических книг Московской Духовной Консистории, время рождения Достоевского 30-го октября 1821 го года, прибавляет: «в этом случае, как и часто, память изменила Федору Михайловну... сам он указывал 1822-й год».

Но помимо указанных явлений со стороны памяти, являющихся результатом вредного действия на психику эпилептических припадков, в характере Достоевского уже с молодых, юношеских лет наблюдался ряд патологических, болезненных черт. Савельев, в своих воспоминаниях о пребывании Достоевского в инженерном училище, говорит, что в училище он «был задумчивый, скорее угрюмый, можно сказать, замкнутый, он редко сходиллся с кем-либо из своих товарищей, хотя и не удалялся... никогда нельзя было его видеть праздным и веселым». Припадки немотивированного злобного отношения к окружающим наблюдались уже в молодых годах. В 1847 г. он пишет брату: «мне вспоминается иногда, как я был угловат и тяжел у вас в Ревеле. Я был болен, брат. Я вспоминаю, как ты раз сказал мне, что мое обхождение с тобою исключает взаимное равенство. Возлюбленный мой. Это совершенно было несправедливо. Но у меня такой скверный отталкивающий характер. Я тебя всегда ценил выше и лучше себя. Я за тебя и за твоих готов жизнь отдать, но иногда, когда сердце мое плавает в любви, не добьешься от меня ласкового слова. Мои нервы не повинуются мне в эти минуты. Я смешон и гадок, и вечно посему страдаю от несправедливого заключения обо мне. Говорят, что я черств и без сердца. Сколько раз я грубил Эмилии Федоровне (жене брата Д.), благороднейшей женщине, в 1000 раз лучше меня. Помню, как иногда я нарочно злился на Федю, которого любил в то же время даже больше тебя». Ненормальные, патологические черты характера, наблюдавшиеся у Достоевского, еще до ссылки на каторгу, заставляют думать об определенном нервном заболева-

нии, по своим проявлениям ближе всего подходящего к психастении. В особенности диагноз психастении подтверждается теми явлениями, на которые указывает в своей статье Ор. Миллер. Достоевский, по собственным словам, как говорит Миллер, «был до своей катастрофы мнителен до болезненности, предполагая в себе всевозможные недуги и в самом деле от мнительности хворал, при чем сам себя лечил горчичниками. Вскоре после его смерти Андрей Михайлович (брат Достоевского) указывал в «Новом Времени» на то, что в молодости Федор Михайлович нередко оставлял перед сном записочки такого приблизительно содержания: «сегодня со мной может случиться дегаргический сон, а потому—не хороните меня столько-то дней. По собственным словам Ф. М.—ча, он сошел бы с ума, если бы не катастрофа, которая переломила его жизнь. Явилась идея, перед которой здоровье и забота о себе оказались пустяками (записано в записную книжку Анной Григорьевной). О том влиянии, которое имела на психическое состояние Достоевского происшедшая с ним катастрофа, он говорит и в своем письме к Яновскому в 1872 году: «вы любите меня и возились со мной с большим *душевною болезнью* (ведь, я теперь сознаю это) *до моей поездки в Сибирь*, где я вылечился» (курсив Достоевского). О том же он пишет брату из Семипалатинска в 1854 году: «вообще каторга многое вывела у меня и многое привила ко мне... Впрочем, сделай одолжение, не подозревай, что я такой же меланхолик, и такой же мнительный, как был в Петербурге последние годы. Все совершенно прошло. как рукой сняло», В письме к Врангелю в 1857 году; «я был ипохондриком в высшей степени, но излечился вполне крутым переворотом, случившимся в судьбе моей». Таким образом под влиянием происшедшей катастрофы, пребывания на каторге, психастенические черты характера прошли, временно исчезли, но те же факторы, которые способствовали исчезновению психастении, вызвали появление эпилептических припадков. Эти последние, появляясь у Достоевского в течение всей его последующей жизни, в свою очередь резко влияли на состояние его психической сферы, хотя следует заметить, что черты эпилептического характера несомненно наблюдались у Достоевского еще с молодых лет, до появления эпилептических припадков. В этом отношении уже подозрительны слуховые галлюцинации, указанные мною выше. Несомненно, наряду с явлениями, характерными для психастении уже в молодом возрасте, до Сибири, у Достоевского наблюдались со стороны психической сферы и явления, характерные для эпилепсии. Эта угрюмость, замкнутость и в особенности беспричинная злобность по отношению к окружающим, часто принимавшая садический оттенок. «нарочно злился на Федю, которого любил в то же время даже больше», чем брата. Все это, конечно, черты, свойственные эпилепсии, а не психастении. Но вот наступает катастрофа, пребывание в крепости, а затем каторга и поселение в Си-

бири. Хотя Достоевский и не любил впоследствии говорить о своей жизни в Сибири, не любил, даже когда другие придавали этому особое значение, но каково ему было на каторге, какие душевные муки он на ней испытывал, видно из его письма к брату Андрею Михайловичу из Семипалатинска от 6-ХІ-1854 г., в котором он пишет о своем пребывании на каторге: «а те 4 года считаю я за время, в которое я был похоронен живой и закрыт в гробу. Что за ужасное было это время, не в силах я рассказать тебе, друг мой. Это было страдание невыразимое, бесконечное, потому что всякий час, всякая минута тяготела, как камень, у меня на душе. Во все 4 года не было мгновения, в которое бы я не чувствовал, что я в каторге». Но та же каторга, со всеми ее ужасами, как выражается сам Достоевский, «много вывела и многое привила». Вывела, как я уже говорил, психастению, которую «как рукой сняло», и привила эпилептические припадки, которые не оставляли уже Достоевского в течение всей его последующей жизни. Хотя следует заметить, что психастенические черты характера в форме фобий, страхов наблюдались у Достоевского в течение всей его жизни, как это хорошо видно, например, из его писем к жене, изданных в 1926 году. Выше мною уже указано на то резкое влияние, которое оказали эти припадки на память. Но несомненно вредное влияние их не ограничилось только памятью, пострадали и другие стороны психической сферы. В письме к А. Н. Майкову из Женевы (16—28-VIII-1867 г.) Достоевский пишет: «вы знаете, как я выехал (из Петербурга) и с какими причинами. Главных причин две: 1-я—спасать не только здоровье, но даже жизнь. Припадки стали уже повторяться каждую неделю, а чувствовать и *сознавать* ясно это нервное и *мозговое* расстройство было невыносимо (курсив Достоевского). Рассудок действительно расстраивался,—это истина. Я это чувствовал, а расстройство нервов доводило иногда меня до бешеных минут». Страхов, близко знавший Достоевского и имевший возможность наблюдать его и в Петербурге и за границей, определенно говорит, что Достоевский «был человек больной: припадки «священной болезни», так часто совмещающейся с высокими нервными организациями, отнимали у него память, приводили его в мрачное настроение и удваивали его мнительность и щекотливость. Здесь было бы уместно привести анекдоты о его забывчивости, неожиданных вспышках и резкостях, те анекдоты, из которых иные, конечно, сохранились в памяти множества людей, приходивших в соприкосновение с замечательным человеком».

В смысле обрисовки психического облика Достоевского чрезвычайно ценные указания дает в своих воспоминаниях Ковалевская. Да не посетует читатель, если я их приведу слишком подробно, но они слишком характерны для выявления психики как самого Достоевского, так и действующих лиц его романов. Только тут, при сравнении, можно видеть на-

сколько субъективно было творчество Достоевского, как много своего «я» было вложено им в большинства описываемых им в его произведениях лиц. Достоевский в течение некоторого периода времени бывал в доме Ковалевских и С. Ковалевская характерными, яркими штрихами обрисовывает его манеру держать себя, его поведение. В одном месте она пишет: «Федору Михайловичу было и неловко, и не по себе в этой натянутой обстановке; он и конфузился среди всех этих старых барынь, и *злил*» (как в этом месте, так и в последующих местах курсив мой. Ю.). В другой раз Достоевский был приглашен на вечер к Ковалевским. «В припадке самопожертвования он счел нужным облачиться во фрак, и фрак этот, сидевший на нем и дурно, и неловко, внутренне *бесил* его в течение всего вечера. Он *начал злиться* уже с самой той минуты, как переступил порог гостиной. Как все нервные люди, он испытывал досадливую конфузливость; когда попадал в незнакомое общество, и чем глупее, несимпатичнее ему, ничтожнее это общество, тем острее конфузливость. Возбуждаемую этим чувством досаду он, видимо, *желал сорвать* на ком-нибудь»... «Федор Михайлович совсем *рассердился*, и, забившись в угол, молчал упорно, *злбно* на всех озираясь. В числе гостей был один, который с первой же минуты *сделался ему особенно ненавистен*». За А. В. Ковалевской (сестрой С. В.), в которую в это время Достоевский был влюблен, ухаживал дальний родственник—молодой человек, офицер одного из гвардейских полков, и вот «стоило Достоевскому взглянуть на эту красивую, рослую, самодвольную фигуру, чтобы *возненавидеть ее до остервенения*». Когда читаешь эти выражения—«злил», «начал злиться», «желал сорвать» на ком-нибудь досаду, «злбно» на всех озираясь, возненавидел «до остервенения», то так и вспоминаются злобное настроение, злобные выходки Раскольниковца, Нелли и других лиц романов Достоевского. Далее, на том же вечере—«модною темою разговоров в эту зиму была книжка, изданная каким-то английским священником—параллель православия с протестантизмом. В этом русско-немецком обществе это был предмет для всех интересный, и разговор, коснувшись его, несколько оживился. Мама, сама немка, заметила, что одно из преимуществ протестантов над православными состоит в том, что они больше читают евангелие.—Да разве евангелие написано для светских дам? — выпалил вдруг упорно молчавший до тех пор Достоевский.—Там вон стоит: «Вначале сотворил бог мужа и жену», или еще: «Да оставит человек отца и мать и да прилепится к жене». Вот как Христос-то понимал брак! А что скажут на это все матушки, только о том и думающие, как бы выгоднее пристроить дочек!» Достоевский проговорил это с пафосом необычайным. По своему обыкновению, когда волновался, он весь с'еживался и словно стрелял словами. Эффект вышел удивительный. Все благовоспитанные немцы при-

молкли и таращили на него глаза. Лишь по прошествии нескольких секунд все вдруг сообразили всю неловкость сказанного и все разом заговорили желая заглушить ее. Достоевский еще раз оглядел всех *злым* вызывающим взглядом, потом забился в свой угол и до конца вечера не проронил больше ни слова. Помимо опять «злого» взгляда вся эта сцена с неожиданным для окружающих, резким вытуплением Достоевского и именно по вопросу на религиозные темы так близка, так похожа на речи князя Мышкина на вечере у Епанчиных («Идиот»).

В дополнение к описанным болезненным чертам характера Достоевского следует еще прибавить «неограниченное самолюбие и честолюбие», о которых он пишет в письме к брату в апреле 1846-го года и которые он сам называет «ужасным пороком».

С течением лет, к старости все эти резкие, отрицательные стороны характера постепенно сглаживались и, по словам Страхова, «когда он вернулся из-за границы, где он жил почти уединенно со своею семьею, без развлечений и дел (хотя в больших затруднениях и трудах), он принес с собою это настроение глубокого умирания, в которое привело его долгое погружение в этот строй мыслей. Были минуты, когда он и выражением лица, и речью походил на кроткого и ясного отшельника». «Да, он был христианином, он ясно знал тот идеал, к которому нужно стремиться прежде всего другого» — прибавляет при этом Страхов.

Теперь приходится перейти к области, тесно связанной с характером, определяющей этот самый характер, к области сексуальной. Если сексуальный момент имеет вообще громадное значение в деле художественного творчества, как это и подтверждается работами Freud'a, хотя и оспаривается другими, то в творчестве Достоевского сексуальность несомненно приобретает особенно важное, почти всеобъемлющее значение. Только выяснив сексуальность самого Достоевского и ее влияние на его произведения, можно вполне познать и оценить эти последние, определить их истинное значение. Не будет преувеличением сказать, что сексуальностью, и именно извращенною сексуальностью пропитано насквозь все его творчество. Вопроса о сексуальности Достоевского подробно касается в своей книге Мережковский. Он между прочим посылает упрек по адресу друзей Достоевского в том, что они в своих воспоминаниях о последнем в высшей степени вежливо, почтительно, даже слишком почтительно отнеслись к памяти покойного и всего менее были способны понять то, что по апокалипсису Мережковский называет «глубинами сатанинскими» и что, по его мнению, было так родственно Достоевскому. «Даже такой», по его словам, «тонкий и проницательный ум, как Страхов, не то что облагораживает, а чрезмерно упрощает личность Достоевского, смягчает, притупляет, сглажи-

ваает ее, приводит к общему среднему уровню». Очевидно, когда Мережковский писал эти строки, ему было неизвестно письмо Страхова к Толстому, опубликованное в числе других в 1913 г. в «Современном Мире», которое приводится мною ниже и содержит в себе крайне интересные данные по занимающему нас сейчас вопросу. Далее Мережковский говорит что, «рассматривая личность Достоевского, как человека, должно принять в расчет неодолимую потребность его, как художника, исследовать самые опасные и преступные бездны человеческого сердца, преимущественно бездну сладострастия во всех его проявлениях. Начиная от самого высшего, одухотворенного, граничащего с религиозным восторгом,—сладострастия «ангела» Алеши Карамазова, кончая сладострастием злого насекомого, «паучихи, пожирающей самца своего»,— тут вся гамма, вся радуга бесконечных переливов и оттенков этой самой таинственной из человеческих страстей, в ее наиболее острых и болезненных извращениях». «Во всех этих изображениях у Достоевского—такая сила и смелость, такая новизна открытий и откровений, что иногда является смущающий вопрос: могли ли он все это узнать *только по внешнему опыту*, только из наблюдений над другими людьми? Есть ли это любопытство *только* художника?—Конечно, ему самому не надо было убивать старуху, чтобы испытать ощущения Раскольникова. Конечно, тут многое должно поставить на счет ясновидению *Теня*, многое,—*по все ли?* (Курсив Мережковского). Впрочем, пусть даже в делах, в жизни самого Достоевского не было ничего соответственного этому преступному, или, по крайней мере, переступающему «за черту» любопытству художника; достойно внимания уже и то, что в воображении его могли возникнуть подобные образы». Крайне интересно у Мережковского сравнение в сексуальном отношении Достоевского с Л. Толстым. По его мнению, «художественного любопытства Достоевского к «укусам тарангула»—к растлению девочки, к любовному приключению Федора Карамазова с Лизаветой Смердящей—никогда не понял бы Л. Толстой. Ему показалось бы такое любопытство или бессмысленным, или отвратительным. Половая чувственность является у него иногда сильно жестокою, грубою, даже зверскою, но никогда не противоположенною, не извращенною». Едва ли, однако, верно утверждение Мережковского, что «исследователь жизни Достоевского бродит здесь в потемках, ощупью. Нет ясных и точных свидетельств, на которые можно бы опереться. Только намеки». Мне кажется достаточно и имеющихся у нас данных, чтобы на основании их можно было обрисовать и эту сторону жизни, характера Достоевского.

Уже выше мною было указано на проявление садизма у Достоевского еще в раннем детстве,—стегание лягушек ореховым хлыстом, причем это стегание было, повидимому, одним если и не из любимых, то во всяком случае частых, привыч-

ных забав Достоевского, так как он с видом знатока прибавляет—«хлысты из орешника так красивы и так прочны, куда против березовых».

К области садизма и именно к той его разновидности, которую можно обозначить термином аутосадизма, относится и то интересное явление в области душевной жизни, которое так характерно описывает Достоевский в своем письме к брату 1-1 — 1840-го года, т. е. в то время, когда ему было 18 лет. Он пишет: «ты не поверишь, как сладостный трепет сердца ощущаю я, когда приносят мне письмо от тебя, и я избрал для себя нового рода наслаждение — престранное — томить себя. Возьму твое письмо, переворачиваю несколько минут в руках, щупаю его, полновесно ли оно, и, насмотревшись, налюбовавшись на запечатанный конверт, кладу его в карман... Ты не поверишь, что за *сладострастное* (курсив мой. Ю.) состояние души, чувств и сердца! И таким образом, жду иногда с четверть часа, наконец, с жадностью нападаю на пакет, рву печать и пожираю твои строки, твои милые строки». Какую утонченный, рафинированный аутосадизм это «престранное наслаждение, — томить себя, чтобы в результате вызвать особо «сладострастное состояние души, чувств и сердца». В русской литературе существует еще описание такого утонченного аутосадизма у Тургенева в его комедии «Неосторожность», в 1-м монологе дон Бальтазара.

В 1845-м году Достоевский пишет брату о «Минушках, Клариушках, Маринах и т. п.,» которые «похорошели донельзя, но стоят страшных денег». «На-днях Тургенев и Белинский разбрали меня в прах за беспорядочную жизнь». — прибавляет он. Об этом письме упоминает в своей книге и Мережковский. По поводу заключительных слов из того же письма: «я болен нервами и боюсь горячки или лихорадки нервической. Порядочно жить я не могу, до того я беспутен» Мережковский указывает не без иронии, что «почтительный и целомудренный биограф О. Ф. Миллер спешит сделать предположение, что «беспутство», о котором здесь идет речь есть только денежная беспорядочность Федора Михайловича: но именно эту поспешностью оправдания поселяет сомнение в душе читателя».

Наиболее важным документом по вопросу о сексуальности Достоевского является несомненно письмо Страхова к Л. Толстому (28-XI-1883-го года), Петербург *). Делаю из него подробную выписку. Страхов пишет: «... вы верно уже получили теперь биографию Достоевского — прошу Вашего внимания и списхождения — скажите, как Вы ее находите. И поэтому-то случаю хочу исповедаться перед вами. Все время писанья я был в борьбе, я боролся с подымавшимся

*) Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. Современный Мир, 1913 г., октябрь.

во мне отвращением, старался подавить в себе это дурное чувство. Пособите мне найти от него выход. Я не могу считать Достоевского ни хорошим, ни счастливым человеком (что, в сущности, совпадает). Он был зол, завистлив, развратен, и он всю жизнь провел в таких волнениях, которые делали его жалким и делали бы смешным, если бы он не был при этом так зол и так умен. Сам же он, как Руссо, считал себя лучшим из людей, и самым счастливым. По случаю биографии я живо вспоминаю все эти черты. В Швейцарии, при мне, он так помыкал слугою, что тот обиделся и выговорил ему: «Я ведь тоже человек». Помню, как тогда же мне было поразительно, что это было сказано проповедником *гуманности* и что тут отозвались понятия вольной Швейцарии о *правах человека*. (Здесь и дальше курсив Страхова). Такие сцены были с ним беспрестанно, потому что он не мог удержат своей злости. Я много раз молчал на его выходки, которые он делал совершенно по-бабьи, неожиданно и непрямо; но и мне случалось раза два сказать ему очень обидные вещи. Но, разумеется, в отношении к обидам он вообще имел перевес над обыкновенными людьми, и всего хуже то, что он этим услаждался, что он никогда не каялся до конца во всех своих пакостях. Его тянуло к пакостям и он хвалился ими. Висковатов (Павел Александрович, впоследствии профессор Юрьевского университета, биограф и издатель Лермонтова, ум. 16-го апреля 1905 г.) стал мне рассказывать, как он похвалялся, что... в бане с маленькой девочкой, которую привела ему гувернантка. Заметьте при этом что при животном сладострастии, у него не было никакого вкуса, никакого чувства женской красоты и прелести. Это видно в его романах. Лица, наиболее на него похожие,—это герой «Записок из подполья», Свидригайлов в «Преступлении и Наказании» и Ставрогин в «Бесах»; одну сцену из Ставрогина (растление и проч.)—Катков не хотел печатать, но Д. здесь ее читал многим. При такой натуре он был очень расположен к сладкой сентиментальности, к высоким и гуманным мечтаньям, и эти мечтанья—его направление, его литературная муза и дорога. В сущности, впрочем, все его романы составляют *самооправдание*, доказывают, что в человеке могут ужиться с благородством всякие мерзости. Как мне тяжело, что я не могу отделаться от этих мыслей, что не умею найти точки примирения. Разве я злюсь? Завидую? Желаю ему зла? Нисколько; я только готов плакать, что это воспоминание, которое *можно бы быть* светлым, только давит меня. Припоминаю Ваши слова, что люди, которые слишком хорошо нас знают, естественно не любят нас. Но это бывает иначе. Можно при (долгом) близком знакомстве узнать в человеке черту, за которую ему потом будешь все прощать. *Движение истинной доброты, искра настоящей сердечной теплоты*, даже одна минута настоящего раскаяния—может все загладить; и если бы я вспомнил что-нибудь подобное у Д., я бы простил его и радовался бы на него. Но одно возведение себя в прекрасного человека, одна головная и литературная гуманность—Боже, как это противно!

Это был истинно несчастный и дурной человек, который воображал себя счастливецом, героем и нежно любил одного себя. Так как я про себя знаю, что могу возбуждать сам отвращение, и научился понимать и прощать в другом это чувство, то я думал, что найду выход и по отношению к Д. Но не нахожу и не нахожу! Вот маленький комментарий к моей *Биографии*; я мог бы записать и рассказать и эту сторону в Д.; много случаев рисуется мне гораздо живее, чем то, что мною описано, и рассказ вышел бы гораздо правдивее; но пусть эта правда погибнет, будем щеголять одною лицезвою стороною жизни, как мы это делаем везде и во всем!). Письмо исчерпывающее по полноте и определенности сведений. Достаточно было бы одного этого письма, чтобы можно было составить себе определенное мнение о патологичности характера Достоевского. Тут характерные для эпилептика злобность, завистливость, болезненное самолюбие, эгоцентризм, импульсивность поступков, которые он делал «совершенно по бабьи, неожиданно», и наряду с этим резко выраженная склонность к «сладкой сентиментальности, к высоким и гуманным мечтаниям». Затем в области сексуальной «услаждение» обидами, склонность хвалиться «пакостями», что Блох очень удачно называет «словесным экибиционизмом», «животное сладострастие» при отсутствии вкуса, «чувства женской красоты и прелести» и наконец случай «в бане с маленькой девочкой», которым Достоевский «похвалялся» перед Висковатовым. Правда, Булгаков*) говорит по поводу письма Страхова, что рассказ Достоевского Висковатову (представляющий аналогию с рассказом Тургеневу) о растлении девочки во всяком случае требует проверки, ибо мог быть «надрывом самоуничтожения,—при болезненной сложности характера Достоевского возможна и прямая клевета на себя». Но даже сам Булгаков прибавляет—«нет сомнения, что всеми «бесами», о которых рассказывает Достоевский в своем романе, был одержим он сам, во всей антиномичности своего духа». Да, наконец, не так уж это важно, был ли в данном случае «надрыв самоуничтожения» или действительный факт, важно, как совершенно верно замечает Мережковский, что в воображении Достоевского могли возникать подобные образы. С другой стороны, Страхов, «моральным качеством» которого «отдает должное» тот же Булгаков, едва ли позволил бы себе называть Достоевского «развратным», говорить о его «животном сладострастии», на основании одного только случая с девочкой. Ковалевская в своих воспоминаниях тоже дает интересные данные относительно сексуальности Достоевского. Как уже указано выше, Достоевский в то время, к которому относятся воспоминания, был влюблен в сестру ее Анну. Достоевскому было тогда 43 года. С. Ковалевская вынуждена была невольно подслушать об'яснение Достоев-

*) Булгаков С. Н. Русская трагедия. Ф. М. Достоевского в связи с инсценировкой романа в Московском Художественном театре. „Русская Мысль“. 1914. Апрель.

ского в любви. «Он держал Анютину руку в своих и, наклонившись к ней, говорил тем страстным порывчатым шопотом, который я так знала и любила. Голубчик мей, Анна Васильевна, поймите же, ведь я вас полюбил с первой минуты, как вас увидел; да и раньше, по письмам уже предчувствовал. И не дружбой я вас люблю, а страстью, всем моим существом»... «Неужели ему уже 43 года!», — думала я, — «неужели он в три с половиною раза старше меня и больше, чем в два раза старше сестры!». С. Ковалевской было тогда 13 лет. Но это еще все в области нормальной сексуальности, в другом месте воспоминаний Ковалевской даются указания и на патологические черты этой области у Достоевского. Достоевский, по словам Ковалевской был вообще очень реален в своей речи, совсем забывая, что говорит в присутствии барышень, чем приводил, порой, мать их в ужас. И вот однажды он рассказал следующую сцену из задуманного им еще в молодости романа: «Герой—помещик, средних лет, очень хорошо и тонко образованный, бывал за границей читает умные книжки, покупает картины, гравюры. В молодости он кутил, но потом остепенился, обзавелся женой и детьми и пользуется общим уважением. Однажды прсыпается он поутру, солнышко заглядывает в окна его спальни; все вокруг него так опрятно, хорошо и уютно. И он сам чувствует себя таким опрятным и почтенным. Во всем теле разлито ощущение довольства и покоя. Как истый сибарит, он не торопится проснуться, чтобы подольше продлить это приятное состояние общего растительного благополучия. Остановившись на какой-то средней точке между сном и бдением, он переживает мысленно разные хорошие минуты своего последнего путешествия за границу. Видит он опять удивительную полосу света, падающую на голые плечи св. Цецилии, в мюнхенской (?) галлерее. Приходят ему тоже в голову очень умные места из недавно прочитанной книжки: «О мировой красоте и гармонии». Вдруг, в самом разгаре этих приятных грез и переживаний, начинает он ощущать неловкость—не то боль внутреннюю, не то беспокойство. Вот так бывает с людьми, у которых есть застарелые огнестрельные раны, из которых пуля не вынута: за минуту перед тем ничего не болело и вдруг заново старая рана и ноет, ноет. Начинает наш помещик думать и соображать: что бы это значило? Болеть у него ничего не болит; горя нет никакого. А на сердце точно кошки скребут, да все хуже и хуже. Начинает ему казаться, что должен он что-то припомнить, и вст он силится, напрягает память... И вдруг действительно вспомнил, да так жизненно, реально, и брезгливость при этом такую всем своим существом ощутил, как будто вчера это случилось, а не двадцать лет тому назад. А между тем за все эти двадцать лет и не беспокоило это его вовсе. Вспомнил он, как однажды, после разгульной ночи и подзадоренный пьяным товарищем, он изнасиловал десятилетнюю девочку». «Мать моя,—пишет Ковалевская,—только руками всплеснула, когда Достоевский это

проговорил.—Федор Михайлович! Помилосердитесь! Ведь дети тут!—взмолилась она отчаянным голосом. Я и не поняла тогда смысла того, что сказал Достоевский,—только по негоднованию мамы догадалась, что это должно быть что-то ужасное». Тут снова мы имеем дело с словесным эгсгибиционизмом—рассказ на такую щекотливую тему в присутствии если не детей, то почти детей, и снова дело касается растления девочки—тема, которая, повидимому, настойчиво преследовала воображение Достоевского с молодых лет. Как указывает Ковалевская, сцена эта из задуманного им еще в молодости романа. Как уже указано выше, в «Бесах» была глава, где описывается растление Ставрогинной девочки, которую Катков не хотел печатать, но которую Достоевский, по словам Страхова, читал многим. В настоящее время эта глава опубликована (Документы по истории литературы и общественности. Выпуск первый. Ф. М. Достоевский. Издательство Центрархива. РСФСР. Москва, 1922). При сопоставлении всего вышеизложенного, мне кажется, получается яркий в сексуальном отношении облик. Да и сам Достоевский в этом отношении не щадил себя. «А хуже всего, что натура моя подлая и слишком страстная», пишет он А. Майкову из Женева 16—28-V-III-1867 года по поводу своего проигрыша в рулетку в Бадене. «Везде-то и во всем я до последнего предела дохожу, всю жизнь за черту переходил», пишет он дальше. Но если бы даже и не было всех только приведенных биографических данных, то в самих произведениях Достоевского имеется такая масса описаний различного рода болезненных уклонений в сексуальной области, эти описания сделаны так тонко, верно в научном отношении, что только личное переживание их, страдание этими аномалиями и побуждало автора к описанию их и дало возможность выполнить это так гениально. Никакое знакомство, изучение по книгам, специальным руководствам не дало бы таких обширных, глубоких познаний в этой области, не говоря о том, что в некоторых случаях Достоевский значительно расширяет границы области сексуальных аномалий, вносит от себя нечто новое и все это в такой художественной форме. Многие его описания могут служить образцами, по которым можно изучать аномалии половой жизни.

Интересна оценка Достоевского в сексуальном отношении его женою А. Г. Достоевскою, которая считала его «одним из целомудреннейших людей» и была крайне огорчена мнением И. С. Тургенева, считавшим Достоевского циником и позволившим себе назвать его «русским маркизом де Сад» *). Еще больше возмущается А. Г. Достоевская выше приведенным письмом Н. Н. Страхова к Л. Н. Толстому, еще раз утверждая, что Достоевский «всю жизнь оставался чуждым «развращенности». Но, не говоря уже о чисто патологической ревности, примеры

*) Воспоминания А. Г. Достоевской. Под редакцией Л. П. Гроссмана. Государственное издательство. 1925 г.

которой приводит сама А. Г. Достоевская в своих воспоминаниях, достаточно прочитать письма Достоевского к А. Г., *) чтобы убедиться, насколько мнение А. Г. Достоевской является неосновательным, пристрастным. В них поражает та пылкая страсть, которую проявляет Достоевский по отношению к своей жене, при чем эта страсть с годами не только не охлаждалась, но напротив, разгоралась все более и более. Это подтверждает и сам Достоевский, например, в письме от 15-VII-1877 г. он пишет: «целые 10 лет я был в тебя влюблен и все crescendo, и хоть и ссорился с тобой иногда, а все любил до смерти». Большинство писем к жене заканчивается самыми страстными излияниями. В конце письма от 4—16-VIII-1879 г. Достоевский пишет: «целую тебя поминутно в мечтах моих всю, поминутно в засос. Особенно люблю то, про что сказано: и предметом сим прелестным, восхищен и упоен он. Этот предмет целую поминутно во всех видах и намерен целовать всю жизнь». В другом письме (от 7—19-VIII 1879 г.) Достоевский обещается «щипаться до тех пор, пока разлюблю». В письме от 16—28-VIII 1879 г. Достоевский пишет о своем «постоянном, мало того: все более, с каждым годом, возрастающем, супружеском восторге». Письмо от 3—4 июня 1880 г. из Москвы заканчивается словами: «а я все вижу прескверные сны, кошмары каждую ночь, о том, что ты мне изменяешь с другими. Ей богу. Страшно мучаюсь». Следует добавить, что в некоторых письмах выражения страсти носили, повидимому, настолько интимный характер, что А. Г. вынуждена была их зачеркнуть.

Покончив с описанием болезненных явлений, наблюдавшихся у Достоевского со стороны нервно-психической сферы, следует указать на другие страдания, которым Достоевский подвергался в течение своей жизни. Уже с молодых лет он не отличался крепким здоровьем. По воспоминаниям Савельева, — «цвет лица его был какой-то земляной, его постоянно мучил сухой кашель, особенно обострившийся по утрам, голос его отличался усиленною хрипотой, к болезненным симптомам присоединялась еще опухоль подчелюстных желез». Все это заставило Достоевского «хоть несколько умереннее курить Жуковский табак». Во время пребывания в крепости Достоевский жалуется в письмах к брату на то, что «захватывает горло, как прежде, что чувствует «грудную боль». Врангелю из Висбадена в 1865 году Достоевский сообщает о том, что его «сжигает какая-то внутренняя лихорадка, озноб, жар каждую ночь», что он худеет «ужасно». Наконец, следует упомянуть еще об одной болезни, которой Достоевский страдал с молодых лет и которая по временам причиняла ему большие мучения, — о геморрое. На геморрой Достоевский жалуется в своих письмах к брату из крепости в 1849-м году, затем в письмах к брату же в 1859-м

*) Письма Ф. М. Достоевского к жене. Государственное издательство. 1926 г.

и в 1864-м году и в письме к Врангелю в 1866-м году. Насколько болзнь была мучительна, видно из последнего письма к Врангелю в котором Достоевский пишет: «а теперь вот уже месяц замучил меня геморрой. Вы об этой болезни, вероятно, не имеете и понятия и каковы могут быть ее припадки. Вот уже третий год сряду она повадилась мучить меня два месяца в году, в феврале и в марте. И как во-же *пятнадцать дней* (!) (курсив Достоевского) должен был я пролежать на моем диване и 15 дней не мог взять пера в руки».

Относительно внешних факторов, которые могли вредно воздействовать на здоровье Достоевского, помимо испытанных им в течение всей жизни душевных волнений, тяжелых душевных переживаний, выше было уже указано на повидимому неумеренное курение табаку. К такого рода вредным факторам следует причислить и далеко нерегулярный образ жизни. По словам Страхова «писал Достоевский почти без исключения ночью. Часу в двенадцатом когда весь дом укладывался спать, он оставался один с самоваром и, попивая не очень крепкий и почти холодный чай писал до пяти и шести часов утра. Вставать приходилось в два, даже в три часа пополудни и день проходил в приеме гостей в прогулке и посещениях знакомых». Сам способ работы тоже не отличался регулярностью; Достоевский имел привычку откладывать работу до последнего срока, когда поневоле уже приходилось особенно усиленно работать и в смысле продолжительности труда и в смысле интенсивности умственной энергии. Относительно вина есть указание того же Страхова по словам которого Достоевский «был в этом отношении чрезвычайно умерен». Страхов не помнит «во все двадцать лет случая, когда бы в нем замечен был малейший след действия выпитого вина. Скорее он обнаруживал маленькое пристрастие к сладостям, но ел вообще очень умеренно».

Последние девять лет своей жизни Достоевский страдал эмфиземой легких, развившейся на почве хронического катарра дыхательных путей. Как сказано в биографии, «смертельный исход болезни произошел от разрыва легочной артерии». С 25 на 26 января появилось небольшое кровотечение из носа. 26 января первое кровотечение горлом и в тот же день второе, более сильное, с потерей сознания. 28 января «опять полила кровь», в тот же день в шесть с половиной часов вечера—последнее кровотечение за которым последовало беспамятство, агония и в 8 ч. 38 м. вечера наступила смерть.

Прежде чем подвести итог всему вышесказанному о состоянии здоровья, о болезни Достоевского, следует добавить несколько слов о характере наблюдавшейся у него падучей и в частности о хронической наблюдавшейся у него эпилептической припадков. *Розенталь* *) в своей работе о Достоевском тоже подробно о

*) Розенталь Т. К. Страдание и творчество Достоевского. Психогенетическое исследование. Вопросы изучения и воспитания личности. 1919 г. № 1.

рассматривает этот вопрос. Опираясь на исследования Bratz'a подтвержденные Kraepelin'ом и в свою очередь подтверждающие наблюдения Janz, Oppenheim'a, о существовании особого рода аффективной эпилепсии в отличие от генуинной. Рассказывает считает «правдоподобным», что и болезнь Достоевского должна быть отнесена к типу аффективной эпилепсии. Сегалин считает Достоевского гениальным аффект-эпилептиком с симптомом извращения полярных разрядов, результатом которого и является его садизм (Частная эвропатология аффект-эпилептического типа гениальности. «Клинический Архив Гениальности и сдвигности» т. III в. I к 27 г.). Bratz *), описывая припадки аффективной эпилепсии у невропатологов и в частности у психиатриков, характеризует их следующим образом: «припадки аффективной эпилепсии (die affektepileptischen Anfälle) отличаются от припадков генуинной эпилепсии тем, что они не оставляют после себя никаких следов в психической сфере, в смысле ослабления интеллекта, сами припадки появляются только эпизодически и только под влиянием внешних фактов, в особенности же под влиянием душевных волнений. Хотя в общем по своим признакам припадки аффективной эпилепсии ничем особенно и не отличаются от припадков генуинной эпилепсии, но все-таки есть и некоторые отличительные признаки, а именно припадки в первом случае не так тяжелы, как у настоящих эпилептиков, повреждения при них более редки и всегда наблюдаются отдельные, единичные припадки. очень редко серия припадков; никогда не бывает эпилептического состояния (status affekt-epilepticus). Значительно реже при аффективной эпилепсии наблюдается и аура. Припадки аффективной эпилепсии появляются только в первые два десятка лет жизни, уже в течение третьего десятка лет они появляются редко, за сорок же лет они не наблюдаются совсем. Как уже сказано выше, они появляются эпизодически, а не повторно в течение всей жизни как при настоящей эпилепсии. Они могут наблюдаться 1—2 раза в течение всей жизни или же появиться только в известный период жизни, в раннем детстве, в период половой зрелости и затем исчезнуть не оставив после себя след».

Сопоставив это краткое описание припадков аффективной эпилепсии с теми припадками, которые наблюдались у Достоевского, мне кажется, можно прийти к заключению, что едва ли припадки Достоевского были аффективного характера. Тяжесть припадков, их появление сериями и в течение всей жизни, характерная аура, которую так великолепно описывает сам Достоевский, и, наконец, те изменения со стороны психической сферы, которые постепенно развивались у Достоевского под влиянием припадков и на что он опять таки сам указывает, все это говорит против наличия у него аффективной эпилепсии.

*) Bratz. Die affektepileptischen Anfälle der neuropathen und Psychopathen. Monatschrift für Psychiatrie und Neurologie. Band XXIX. 1911

Самое большое, что можно допустить, что характер аффективной эпилепсии болезнь имела в начале, а затем уже развилась настоящая гениальная эпилепсия. О подобном случае сообщил Bratz'у Ziehen. У больного Ziehen'a тоже в первые два десятка лет жизни наблюдались припадки аффективной эпилепсии, а затем развилась настоящая хроническая эпилепсия. Но говоря о Достоевском, не следует забывать, что черты эпилептического характера у него наблюдались с молодых лет, еще до Сибири. Интересно, что широко распространенное мнение об особенной частоте преступлений против нравственности у эпилептиков, по мнению Bratz'a, совершенно неправильно. И это объясняется тем, что подобного рода преступления свойственны вообще неврасленникам, а также и тем, которые страдают припадками аффективной эпилепсии.

Таким образом, резюмируя все выше сказанное, можно прийти к следующим выводам. Достоевский, имея невропатическую наследственность со стороны отца и туберкулезную со стороны матери, с ранних детских лет страдал смешанным, сложным (сикхоневрозом—психастенией) эпилепсией. Явления психастении преобладали в молодые годы, до ссылки в Сибирь. Затем под влиянием пребывания в крепости, каторги, психастенические явления заметно уменьшились или, во всяком случае, отошли на задний план. «Все совершенно прошло, как рукой сняло» по выражению самого Достоевского. Но на смену психастении появились припадки сначала аффективной, а затем и настоящей гениальной эпилепсии. Явления, свойственные эпилептическому характеру и в частности патологические явления в области сексуальной сферы, наблюдались у Достоевского с ранних лет, при чем с возрастом, под влиянием припадков, появились изменения и со стороны интеллекта, главным образом памяти, наряду с полным сохранением творческих сил, хотя и в этом отношении существует указание самого Достоевского, что творческая работа в последние годы давалась несколько труднее, требовала большего напряжения. Наконец, наследственность со стороны матери сказалась в заболеваниях дыхательных органов, которым в течение всей своей жизни был подвержен Достоевский.

Прежде чем закончить главу, трактующую о болезни Достоевского, позволю сказать себе несколько слов об отношении Достоевского к врачам. Сам сын врача, Достоевский в разные периоды своей жизни неодинаково относился к врачам. С течением времени, с возрастом это отношение заметно менялось и из положительного, доброжелательного постепенно делалось все более и более отрицательным, враждебным. В «Записках из мертвого дома», говоря о врачах, пользовавшихся арестантов в военном госпитале, он указывает на то, что большинство врачей в России пользуются любовью и уважением простого народа, несмотря на всеобщее недоверие русского народа к медицине, госпиталям, а в частности и к врачам, как «все-таки господам». Тем не менее,

в конце концов, большая часть врачей, за немногими печальными исключениями, по мнению Достоевского, умет заслужить уважение и даже любовь простого народа. Арестанты особенно тепло относились к своим врачам. «Отцов не надс»—отвечали они на расспросы Достоевского, когда он отправлялся в больницу.

В «Преступлении и Наказании» врач Эссимов, «высокий и жирный человек, с одутловатым и бесцветно-бледным, гладко выбритым лицом, с белобрысыми прямыми волосами, в очках и с большим золотым перстнем на припухшем от жиру пальце», и все это в двадцать семь лет, обрисовывается уже более отрицательными, чем положительными чертами. У него и манера была «медленная», как будто вялая и в то же время изученно-развязная; претензия, впрочем, усиленно скрываема, проглядывала поминутно.

В «Братьях Карамазовых» приехавший к Илюше доктор, московская знаменитость, сильно смахивает на каррикутуру. Чего стоит совет его, несмотря на окружающую больного нищенскую обстановку «сейчас и ни мало не медля» отправить Илюшу в Сиракузы, сестру больного на Кавказ, а мать сначала тоже на Кавказ, а затем «немедленно» в Париж в лечебницу доктора психиатра Лепелетье. В «Братьях же Карамазовых» чорт в беседе с Ива ом Карамазовым говорит о медицине: „распознать умеют отлично, всю болезнь расскажут тебе, как по пальцам, ну, а вылечить не умеют“. Студентик тут один случился восторженный: «если вы, говорит, и умрете, то зато будете вполне знать от какой болезни умерли!». Опять таки эта их манера отсылать к специалистам: «мы дескать, только распознаем, а вот поезжайте к такому-то специалисту, он уж вылечит. Совсем, совсем, я тебе скажу, исчез прежний доктор который от всех болезней лечил, теперь только одни специалисты и все в газетах публикуются. Заболит у тебя нос тебя шлют в Париж: там, дескать, европейский специалист носы лечит. Приедешь в Париж, он осмотрит нос: я вам скажет, только правую ноздрю могу вылечить, потому что левых ноздрей не лечу, это не моя специальность, а поезжайте после меня в Вену, там вам особый специалист левую ноздрю долечит». Снова явная каррикутура, шарж на специализацию в медицине, являющуюся естественным результатом быстрого прогрессивного роста отдельных медицинских отраслей.

Но всего ярче резче сказывается отрицательное отношение Достоевского к медицине и врачам в его частной переписке. Правда, в феврале 1872 года, в теплом задушевном письме к доктору Яновскому он говорит: «вы любили меня и возались со мной, с большим душевной болезнью (ведь я теперь сознаю это) до моей поездки в Сибирь где я вылечился» зато в письме к неизвестной в июле 1879-го года он пишет: «О, берегитесь медицинских знаменитостей! Все они с ума сошли от самомнения и от заносчивости; у моряк. Выбирайте всеи да среднего доктора, какого-

нибудь скромного немца, ибо, клянусь, немцы, как доктора, лучше русских, это свидетельствую вам я, славянофил!».

Еще более резко высказывает свое отношение не только к врачам, но и вообще к медицине Достоевский в своем письме к Герасимовой в марте 1877-го года. Он советует ей «приготовить себя на деятельность *во что г аз* (здесь и далее курсив Достоевского) более полезную, чем темная и ничтожная роль какой-нибудь фельдшерицы, бабки и лекарки. Вы рветесь на медицинские здешние курсы. Я положительно бы вам отсоветовал поступать на них. Там не дается ни малейшего образования, мало того, происходит нечто худшее. И что в том, что вы когда-нибудь будете бабкой или лекаркой?.. У нас же люди даже с огромными талантами (Сеченов, например) в сущности человек необразованный и вне своего предмета мало знающий. О противниках своих (философах) не имеет понятия, а потому научными выводами своими скорее вреден, чем приносит пользу». Достоевский советует Герасимовой продолжать образование в университетских курсах на Васильевском Острове. «Это не Медицинская академия, не карьера повивальной бабки, которая могла бы пугать его (отца Герасимовой Ю.) совершенно натурально, как бы и я испугался за мою дочь (ибо желал бы для моей дочери возвышения образования и полезной человеческой деятельности, а не *понижения*)». Таким образом в последние годы своей жизни Достоевский относился несомненно резко отрицательно и к медицине, и к ее представителям — врачам. Как видно из только что приведенных его слов, он, повидимому, не считал даже врачебную деятельность полезною и полагал, что познания в области медицины не возвышают, а *понижают* образование (курсив Достоевского). Характерна, и эта, несомненно, умышленная двукратная замена слова «женщина-врач» словом «лекарка». При этом невольно приходит на память то место из «Братьев Карамазовых», где Коля Красоткин повторно обращается к приехавшему к Илюше врачу со словом «лекарь», причем слово «лекарь» вместо общеупотребительного слова «доктор» он сказал *и тучно*, «для оскорбления сказал», как он сам объявил потом. Медицину оскорбить нельзя. Несомненно только, что и такие гениальные люди, как Достоевский, не свободны от частичных изъятий суждения.
